САМОДЕРЖАВИЕ И СТАЧКИ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА 135
С 187

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЦА135
С187

САМОДЕРЖАВІЕ и СТАЧКИ

ЗАПИСКА МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ о разрѣшеніи стачекъ

АРХИВ БУНДА

Съ приложеніемъ статьи:

„НОВАЯ ПОБѢДА РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ“

Л. МАРТОВА.

Изданіе Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.

ЖЕНЕВА

Типографія Лиги, Route Caroline, 27.

1902

2 и Ж3

Н

ЦА135
С 187

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

1100
2/8

Ц. 6217у

2010г
У 82

О пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки и досрочныя расторженія договоровъ о наймѣ, и о желательности установленія организаціи рабочихъ въ цѣляхъ самопомощи.

Взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими, начинаясь съ момента заключенія договора о наймѣ и оканчиваясь немедленно вслѣдъ за его прекращеніемъ, опредѣляются исключительно симъ договоромъ, внѣ коего не существуетъ никакой обязательной связи между работодателемъ и рабочимъ. Въ виду того, что основныя начала гражданскаго права признаютъ полную свободу заключенія договора и равенство договаривающихся сторонъ, выражающееся въ одинаковости отвѣтственности за неисполненіе договора, казалось бы, не встрѣчалось надобности въ какихъ либо измѣненіяхъ или дополненіяхъ общаго закона примѣнительно къ фабрично-заводскимъ рабочимъ. Такое теоретическое соображеніе не оправдывается, однако, дѣйствительностью.

Слишкомъ большая разница между общественнымъ положеніемъ предпринимателей и таковымъ же рабочихъ, экономическая зависимость послѣднихъ отъ первыхъ, равно какъ и процессуальная сложность гражданскаго иска не позволяютъ фабрично-заводскимъ рабочимъ фактически пользоваться тѣми правами, которыя предоставляетъ имъ общій законъ. На этой почвѣ со стороны хозяевъ промышленныхъ заведеній возникали въ прежнее время многочисленныя злоупотребленія правомъ сильнаго, которыя, при постепенномъ ростѣ нашей промышленности, вызвали въ концѣ 1884 и началѣ 1885 годовъ крупные безпорядки въ Московской и Владимірской губерніяхъ, послужившіе толчкомъ къ изданію спеціальнаго закона 3-го іюня 1886 года.

При разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ проекта сего закона, соединенные Департаменты Гос. Экон., Закон. и Гражд. и Духовныхъ Дѣлъ находили, между прочимъ, что „волненія въ средѣ фабричныхъ рабочихъ

Московской и Владимірской губерній и произведенные ими на нѣкоторыхъ фабрикахъ безпорядки съ очевидностью раскрыли многія крайне неприглядныя стороны фабричнаго быта, причемъ причины, вызвавшія эти безпорядки, не имѣли вовсе случайнаго характера, а обусловливались неправильными отношеніями между фабрикантами и рабочими. Хозяева нѣкоторыхъ фабрикъ, пользуясь выгодами своего положенія не стѣсняются нарушать условій, заключенныхъ съ нанятыми ими людьми, и прибѣгаютъ къ различнымъ средствамъ для извлеченія преувеличенныхъ доходовъ. Уменьшеніе рабочей платы, въ противность заключаемымъ договорамъ, производится или открыто, или путемъ сокращенія числа часовъ и дней работы въ недѣлю. Затѣмъ, вычеты и штрафы съ рабочихъ, обращаемые фабрикантами въ свою пользу, достигаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ огромныхъ размѣровъ, составляя въ общей сложности до 40% съ выдаваемой заработной платы. Наконецъ, возлагаемая на рабочихъ обязанность пріобрѣтать необходимые для нихъ предметы изъ фабричныхъ лавокъ и продажа имъ этихъ предметовъ по высокимъ цѣнамъ встрѣчаются какъ заурядныя явленія. Такое положеніе вещей, естественно, влечетъ за собою весьма вредныя послѣдствія для успѣха промышленности и прямо отражается на фабрикантахъ, ведущихъ дѣло добросовѣстно. Не имѣя возможности соперничать съ лицами, удешевляющими выдѣлку произведеній путемъ притѣсненій рабочихъ, такіе фабриканты должны сокращать обороты, уменьшать производство и т. д. Еще прискорбнѣе оказывается положеніе рабочихъ. Угнетенные до крайности безвыходной задолженностью хозяину, они нерѣдко бываютъ поставлены въ невозможность не только уплачивать повинности и содержать свои семьи, но даже зарабатывать достаточныя средства на личное пропитаніе. Возникающее отсюда раздраженіе противъ фабрикантовъ, при трудности для темнаго люда отыскивать законнымъ способомъ защиту своихъ правъ, постоянно поддерживаетъ въ рабочихъ склонность искать возстановленія

этихъ правъ путемъ стачекъ и безпорядковъ, сопровождающихся грубыми проявленіями своеволія и насилія. Накопляющееся постепенно недовольство въ средѣ фабричныхъ рабочихъ дѣлаетъ эту среду доступною къ воспріятію преступныхъ ученій, направленныхъ къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что дѣятели противоправительственной пропаганды въ послѣднее время сосредоточиваютъ вниманіе свое на фабричномъ населеніи и нерѣдко тамъ скрываются".

Вышеизложенное представляетъ весьма вѣрную картину существовавшей до 1886 года дѣйствительности, которая могла пріобрѣсти подобныя ненормальныя формы лишь на почвѣ практиковавшейся долгое время узурпаціи правъ слабѣйшей стороны. Совершенно естественно, поэтому, что, въ виду обнаруженныхъ незакономѣрныхъ отношеній фабрикантовъ и рабочихъ, не только нарушавшихъ чувство справедливости, но мѣшавшихъ даже (по мнѣнію членовъ Госуд. Совѣта) правильному развитію самой промышленности, законъ 3-го іюня 1886 года явился, по существу своему, нѣкоторымъ ограниченіемъ полной свободы договора, составляющей основу гражданскаго права. Для договоровъ о наймѣ рабочихъ на фабрики, заводы и мануфактуры сей законъ создалъ особый совершенно опредѣленный процессуальный порядокъ ихъ заключенія и особыя обязательныя формы, установивъ административныя кары за неисполненіе предъуказанныхъ формъ и учредивъ правительственный органъ надзора за правильностью соблюденія сторонами предписанныхъ закономъ требованій. Этими ограниченіями законодательство желалопридти на помощь слабѣйшей сторонѣ въ смыслѣ болѣе надежнаго обезпеченія ея гражданскихъ правъ и возможности возстановленія таковыхъ въ случаяхъ нарушеній.

Оставля въ сторонѣ частичныя несовершенства закона 3-го іюня 1886 г., которыя частью уже исправлены, частью же имѣютъ быть исправленными въ будущемъ, нельзя не признать, что основная его цѣль, за-

ключавшаяся въ устраненіи бывшихъ злоупотребленій и въ созданіи болѣе закономѣрныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими, достигнута вполнѣ, и результаты дѣйствія сего закона, наблюдавшіеся въ теченіе 15-ти лѣтняго его существованія, доказываютъ совершенную правильность того пути, на который стало правительство въ своихъ заботахъ объ улучшеніи положенія фабрично-заводскихъ рабочихъ и о содѣйствіи процвѣтанію промышленности вообще. Такъ, самовольныя, вопреки заключеннымъ договорамъ, уменьшенія заработной платы, чрезмѣрные штрафы, принужденіе рабочихъ забирать необходимые для нихъ предметы изъ фабричныхъ лавокъ и слишкомъ высокая ихъ расцѣнка-въ настоящее время больше не существуютъ. Если и встрѣчаются иногда отдѣльныя попытки въ этомъ направленіи, то онѣ крайне рѣдки, незначительны по своимъ размѣрамъ и значенію и немедленно же устраняются при посредствѣ органовъ надзора, т. е. чиновъ фабричной инспекціи и присутствій по фабричнымъ и горно-заводскимъ дѣламъ.

Сказанное улучшеніе положенія, явившееся результатомъ введенія въ дѣйствіе закона 3-го іюня 1886 г. и очень хорошо извѣстное Министерству Финансовъ, на основаніи имѣющагося въ его распоряженіи обширнаго матеріала, неоднократно удостовѣрялось гг. губернаторами въ ихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, отмѣчалось въ сужденіяхъ Государственнаго Совѣта и высказывалось какъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ и Министромъ Юстиціи. Мнѣніе послѣдняго, изложенное въ журналѣ Особаго Высочайше утвержденнаго Совѣщанія по вопросу объ уменьшеніи рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ, кратко, но вполнѣ ясно подводитъ итоги результатамъ дѣйствія закона 3-го іюня 1886 года и заключается въ нижеслѣдующемъ:

„Правительство съ 1882 г. вступило на путь урегулированія отношеній фабрикантовъ и рабочихъ, въ интересахъ той и другой стороны, и должно нынѣ держаться того же пути. Въкачествѣ бывшаго слѣдователя

по особо важнымъ дѣламъ и прокурора, Министръ Юстиціи имѣлъ возможность болѣе или менѣе близко на дѣлѣ ознакомиться съ тѣмъ произволомъ, который господствовалъ на мануфактурахъ до изданія закона 3-го іюня 1886 г. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на причины безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто на Нарвской Мануфактурѣ въ 1870 г., на суконной мануфактурѣ барона Штиглица — въ 1875 г., на Никольской мануфактурѣ Саввы Морозова сыновей и Ко. — въ 1884 г. Законъ 1886 года упорядочилъ отношенія фабрикантовъ и рабочихъ; такихъ ненормальностей, какія были на упомянутыхъ фабрикахъ, въ настоящее время не существуетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуетъ этотъ законъ".

Изъ всего вышеизложеннаго должно быть ясно, что полезность введенія въ дѣйствіе закона 3-го іюня 1886 г. и принципіальная правильность тѣхъ основаній, на которыхъ онъ построенъ, не могутъ подлежать сомнѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, также ясно, что означенный законъ далеко не исчерпываетъ собою всего того, что выдвигается на очередь дѣйствительной жизнью промышленныхъ заведеній и нуждами работающихъ въ нихъ рабочихъ и что требуетъ улучшенія и упорядоченія.

Довольно долгій (11-тилѣтній) періодъ времени, протекшій послѣ изданія закона 1886 года, прошелъ безъ какихъ бы то ни было существенныхъ улучшеній въ области фабричнаго законодательства. Эти годы были посвящены работамъ по функціональному усовершенствованію органовъ правительственнаго надзора (1894) и, главнымъ образомъ территоріальному расширенію области дѣйствія закона 1886 года, который постепенно вводился все въ большемъ и большемъ числѣ губерній и въ настоящее время дѣйствуетъ на всемъ пространствѣ Европейской Россіи.

2-го іюня 1897 г. воспослѣдовало Высочайшее утвержденіе „правилъ о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-завод-

ской промышленности". Законъ этотъ, устанавливающій опредѣленныя нормы рабочаго времени не для заведеній, а для работающихъ въ нихъ рабочихъ, представляетъ собою естественное развитіе закона 3-го іюня 1886 г. и устраняетъ усмотрѣніе работодателя въ столь важномъ и существенномъ вопросѣ, какъ продолжительность и распредѣленіе рабочаго времени.

Послѣдніе годы, протекшіе послѣ изданія закона, нормирующаго рабочее время, были посвящены нѣкоторымъ реформамъ въ учрежденіяхъ высшихъ органовъ надзора (Главное Присутствіе и окружная инспекція) и засимъ — разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ первостепенной важности, имѣющихъ цѣлью улучшеніе положенія рабочаго класса и промышленности вообще, каковы суть: о вознагражденіи рабочихъ, утратившихъ трудоспособность, о врачебной помощи рабочимъ, о школахъ и о порядкѣ открытія и содержанія промышленныхъ заведеній.

Вопросы эти частью внесены уже въ Государственный Совѣтъ, частью же имѣютъ быть внесенными въ ближайшія сессіи, такъ что можно надѣяться на скорое изданіе соотвѣтствующихъ законовъ. Въ настоящее время было бы весьма полезнымъ обратить особое вниманіе на исключительность положенія, въ которомъ, согласно дѣйствующему уголовному закону, находятся фабрично-заводскіе рабочіе по отношенію нѣкоторыхъ своихъ дѣйствій, каковая исключительность едва ли можетъ быть чѣмъ нибудь оправдана; равнымъ образомъ было бы своевременнымъ разсмотрѣть тѣ условія, въ предѣлахъ которыхъ могла бы развиться самопомощь рабочихъ.

Соображенія по этимъ вопросамъ составляютъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

* *
*

I.

Одна изъ существеннѣйшихъ особенностей найма на фабрики, заводы и мануфактуры заключается въ томъ, что договаривающіяся стороны принимаютъ не вполнѣ одинаковое участіе при заключеніи договора, вслѣдствіе чего послѣдній получаетъ нѣсколько односторонній характеръ. Работодатель не только составляетъ предлагаемыя имъ условія найма, но онъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы договоръ заключался и соблюдался согласно тому порядку и по тѣмъ формамъ, кои требуются закономъ.

Раздѣлить эти обязанности въ равной мѣрѣ между работодателями и рабочими не представляется возможнымъ, ибо послѣдніе прежде всего совершенно не въ состояніи вѣдать формальную сторону договора; но если бы они даже были въ этомъ вполнѣ компетентны, то едва ли подобное раздѣленіе функцій между сторонами было бы удобно для дѣла и для самихъ промышленныхъ заведеній, ибо не согласовалось бы съ природной организаціей промышленныхъ предпріятій. Совершенно естественнымъ результатомъ такого порядка является то, что отвѣтственность за нарушеніе формальной части договоровъ о наймѣ возложена закономъ на того, кто вѣдаетъ сію формальную часть, т. е. исключительно на работодателя, въ чемъ нельзя усматривать какой бы то ни было несправедливости по отношенію одной изъ сторонъ за счетъ другой. Что же касается нарушенія матеріальнаго содержанія договорныхъ условій, въ смыслѣ неисполненія одной изъ сторонъ своихъ обязательствъ и причиненія другой убытковъ, то потерпѣвшій, на основаніи ст. 86 Уст. промышленнаго и общихъ постановленій о личномъ наймѣ (Св. Зак., т. X, ч. I), имѣетъ право искать съ виновнаго судомъ и требовать возмѣщенія причиненнаго ущерба. Въ этомъ отношеніи, говоря вообще, юридическія права фабриканта и рабочихъ совершенно одинаковы и отвѣтственность виновной стороны опредѣляется, въ гражданскомъ порядкѣ, размѣрами причиненныхъ убытковъ.

Есть однако случаи, представляющіе исключенія изъ только что указаннаго общаго нормальнаго порядка, въ коихъ, согласно дѣйствующему закону, за чисто гражданскія правонарушенія налагается отвѣтственность уголовная. Такой случай представляетъ прежде всего ст. 51[1] Уст. о наказ., которая гласитъ: „За самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма, или же, при наймѣ на срокъ неопредѣленный, безъ предупрежденія хозяина за двѣ недѣли, виновный въ томъ фабричный или заводскій рабочій подвергается аресту не свыше одного мѣсяца".

Если сопоставить эту статью съ примѣчаніемъ 2 къ ст. 105 Устава промышл., которое устанавливаетъ, что „уволенному съ фабрики или завода, на основаніи сей (105) статьи, рабочему предоставляется, въ теченіи мѣсяца, обжаловать расторженіе договора суду, который, если признаетъ жалобу основательной, постановляетъ о вознагражденіи рабочаго за понесенные убытки", то изъ сопоставленія сихъ двухъ статей совершенно очевидно, что одно и то же дѣяніе, т. е. неправильное досрочное расторженіе договора, влечетъ за собою неодинаковую отвѣтственность сторонъ: работодатель отвѣчаетъ въ гражданскомъ порядкѣ, въ размѣрѣ причиненныхъ рабочему убытковъ; рабочій же карается уголовно —арестомъ до 1 мѣсяца.

Таковое коренное противорѣчіе съ характеромъ договорныхъ отношеній, основанныхъ на добровольномъ соглашеніи и потому опредѣляемыхъ исключительно по началамъ гражданскаго права, вполнѣ ясно сознавалось при возникновеніи разсматриваемой статьи и даже прямо указывалось въ представленіи М. В. Д. Государственному Совѣту отъ 14-го мая 1885 г., за № 1105, но тѣмъ не менѣе необходимость введенія уголовнаго наказанія за нарушенія договоровъ фабрично-заводскими рабочими мотивировалось соображеніями „совершенно исключительными", ибо „недостаточное обезпеченіе, при исполненіи договора личнаго найма на фабрикахъ, можетъ иногда угрожать общественному порядку и спокойствію",

вслѣдствіе чего „привлеченіе рабочаго, самовольно оставившаго работу на фабрикѣ, къ личной отвѣтственности составляетъ мѣру, оправдываемую цѣлями государственными, охраненіе которыхъ лежитъ на обязанности правительства". Пятнадцатилѣтняя практика примѣненія на дѣлѣ упомянутой статьи 51[1] показала, однако, что она, служа иногда интересамъ внутренней дисциплины въ отдѣльныхъ промышленныхъ заведеніяхъ (да и то въ весьма рѣдкихъ случаяхъ), въ то же время нисколько не обезпечивала сохраненія общественнаго порядка, ради чего она собственно и возникла. Установленное же ею неравенство отвѣтственности фабрикантовъ, — съ одной стороны, и рабочихъ — съ другой, принесло несомнѣнный вредъ, укрѣпивъ въ рабочихъ убѣжденіе въ несправедливомъ отношеніи къ нимъ закона. Трудно въ самомъ дѣлѣ понять, почему всѣ вообще люди, отдающіе въ наемъ свой трудъ на началахъ свободнаго договора, могутъ оставить до истеченія срока найма невыгодное для нихъ мѣсто, рискуя при этомъ лишь гражданской отвѣтственностью, тогда какъ фабрично-заводской рабочій за совершенно такой же проступокъ подвергается наказанію уголовному. Содержавшееся въ мотивахъ вышеупомянутаго представленія М. В. Д. указаніе на то, что недостаточная обезпеченность исполненія рабочими договора о наймѣ можетъ угрожать общественному порядку, представляетъ собою, повидимому, результатъ отождествленія понятія о нормальномъ порядкѣ работъ промышленнаго заведенія съ понятіемъ о порядкѣ общественномъ, съ каковымъ толкованіемъ согласиться нельзя.

Если подъ нарушеніемъ порядка общественнаго понимать производство шума, безчинства, буйства, насилія и т. под., то въ такомъ случаѣ несоблюденіе договорныхъ условій, кѣмъ бы и гдѣ бы оно ни было совершено, если не сопровождается вышеуказанными насильственными дѣйствіями, ни въ какомъ случаѣ не можетъ подводиться подъ понятіе о нарушеніи порядка общественнаго. Это можетъ быть сдѣлано только

при допущеніи весьма распространительнаго толкованія понятія объ общественномъ порядкѣ, а именно: если признать за таковое всякое нарушеніе обычнаго нормальнаго хода работъ. Въ такомъ случаѣ, однако, пришлось бы не ограничиваться одними случаями нарушенія договорныхъ условій, а считать за нарушеніе общественнаго порядка рѣшительно всякія отступленія отъ обычнаго нормальнаго порядка работъ, происходящія по причинамъ техническимъ, хозяйственнымъ, коммерческимъ и т. под., и, кромѣ того, пришлось бы распространить такое толкованіе на торговыя заведенія, промыслы и разныя другія занятія, что было бы совершенно невозможно. Если бы характеръ работъ, производимыхъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, обладалъ значеніемъ, подобнымъ значенію службы общественной, въ родѣ, напримѣръ, службы желѣзнодорожной, телеграфной, полицейской и т. п., то въ такомъ случаѣ пріостановка работъ промышленнаго заведенія могла бы дѣйствительно разсматриваться какъ фактъ, нарушающій правильное теченіе общественной жизни и могущій причинить постороннимъ предпріятію лицамъ какой либо имущественный или личный вредъ, причемъ виновные въ томъ рабочіе по справедливости могли бы почитаться нарушителями общественнаго порядка Въ дѣйствительности, характеръ работъ въ промышленныхъ заведеніяхъ лишенъ всякаго общественнаго значенія въ указанномъ смыслѣ и посему пріостановка сихъ работъ даже всѣмъ составомъ рабочихъ заведенія (а тѣмъ менѣе однимъ изъ нихъ), нанося несомнѣнный имущественный ущербъ предпринимателю, не составляетъ еще нарушенія порядка общественнаго, доколѣ рабочіе шумомъ, угрозами, безчинствами или насиліями не произвели дѣйствительнаго безпорядка. Наконецъ, то соображеніе, что рабочіе, бросающіе работу, очевидно принадлежатъ къ разряду недовольныхъ и посему то существуетъ вѣроятность внѣшняго безпорядка, также не выдерживаетъ критики, ибо карать только за вѣроятность безпорядка, хотя послѣдній не произошелъ,

конечно, нельзя; подобная вѣроятность существуетъ рѣшительно вездѣ и не можетъ почитаться зависящею непосредственно и исключительно отъ личнаго договора о наймѣ.

Вторымъ мотивомъ, вызвавшимъ установленіе разсматриваемой статьи, послужила имущественная необезпеченность фабрично-заводскихъ рабочихъ. Фактъ таковой необезпеченности не можетъ подлежать сомнѣнію и посему опасеніе, что большинство гражданскихъ исковъ останется неудовлетвореннымъ и убытки работодателей невозмѣщенными, вполнѣ основательно. Однако, указанная матеріальная необезпеченность и вызванныя ею послѣдствія не составляютъ исключительной принадлежности фабрично-заводскихъ рабочихъ, а свойственны всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, значительному большинству лицъ, отдающихъ въ наемъ свой трудъ. Гарантій въ исполненіи личнаго договора о наймѣ во всѣхъ прочихъ отрасляхъ труда едва ли больше, чѣмъ въ трудѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ. Въ поискахъ за таковыми гарантіями слѣдовало бы распространить уголовную отвѣтственность на всѣ случаи неисполненія личныхъ договоровъ о наймѣ, кѣмъ бы и гдѣ бы они не совершались, чего, однако, не сдѣлано. Предпочтеніе, отданное найму на фабрики и заводы, можно объяснить лишь тѣмъ, что въ неисполненіи прочихъ личныхъ договоровъ о наймѣ усматривается лишь имущественный ущербъ для нанимателя, въ неисполненіи же личнаго договора о наймѣ на фабрики и заводы предполагается нарушеніе общественнаго порядка, что, какъ было указано выше, не можетъ почитаться правильнымъ.

Кромѣ всего изложеннаго, слѣдуетъ принять во вниманіе также и то соображеніе, что недостаточная матеріальная обезпеченность можетъ имѣть мѣсто не только по отношенію рабочихъ, но иногда также и фабрикантовъ. Въ дѣйствительности, въ практикѣ фабричной инспекціи далеко не рѣдки случаи, въ коихъ наблюдаются: недостаточность матеріаловъ производства, иногда полное ихъ отсутствіе, задержки въ выдачѣ зара-

ботковъ рабочимъ и совершенный неплатежъ причитающихся рабочимъ денегъ, что происходитъ вслѣдствіе полной несостоятельности предпринимателей. Послѣдніе не несутъ, однако, за сіе никакой уголовной отвѣтственности, хотя прекращеніе работы промышленнаго заведенія, вызванное вышепоименованными причинами, точно такъ же могло бы разсматриваться какъ нарушеніе общественнаго порядка.

При всемъ стараніи нельзя отыскать достаточно основательныхъ мотивовъ, которые оправдывали бы существованіе ст. 51⁴ Устава о наказаніяхъ. Статья эта: а) противорѣчитъ основнымъ началамъ уголовнаго права; б) устанавливаетъ уголовную отвѣтственность для фабрично-заводскихъ рабочихъ, не касаясь большинства остальныхъ, тоже отдающихъ въ наемъ свой трудъ, что не оправдывается необходимостью;в) содержитъ въ своемъ основаніи неправильное понятіе о томъ, что прекращеніе работы промышленнаго заведенія само по себѣ составляетъ нарушеніе общественнаго порядка; г) караетъ не фактъ нарушенія общественнаго порядка, а только одну возможность такового; д) оставляетъ безнаказанными тѣ случаи прекращенія работы промышленныхъ заведеній, кои произошли по винѣ предпринимателей, вслѣдствіе ихъ матеріальной необезпеченности, тогда какъ таковая же необезпеченность рабочихъ послужила мотивомъ установленія для нихъ уголовной отвѣтственности; е) признавая главнымъ мотивомъ уголовной наказуемости рабочихъ возможность нарушенія ими общественнаго, порядка устанавливаетъ тѣмъ не менѣе порядокъ привлеченія къ отвѣтственности не иначе, какъ по заявленіямъ фабрикантовъ, т. е. частныхъ лицъ, что представляется несоотвѣтственнымъ, и ж) вслѣдствіе всего вышеизложеннаго порождаетъ среди фабрично-заводскихд рабочихъ прочное убѣжденіе въ несправедливомъ отношеніи къ нимъ закона, въ чемъ и заключается ничѣмъ непоправимый вредъ сей статьи, заставляющій желать полной ея отмѣны.

Обращаясь далѣе къ разсмотрѣнію тѣхъ случаевъ, въ коихъ законъ караетъ фабрично-заводскихъ рабочихъ совершенно несоотвѣтственно сдѣланнымъ ими поступкамъ, создавая такимъ образомъ для нихъ особо исключительное и не оправдываемое дѣйствительностью положеніе, наибольшее вниманіе привлекаютъ ст. 1358 и слѣдующія Уложенія о наказаніяхъ, карающія стачки рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ. Ст. 1358 имѣетъ предметомъ уговоръ къ стачкѣ, т. е. намѣреніе прекратить работы съ цѣлью понудить хозяевъ къ повышенію заработной платы; ст. 1358[1] касается стачки уже осуществленной, но безъ признаковъ насилія; ст. 1358[2] и 1358[3] относятся къ случаямъ проявленія насилія со стороны стачечниковъ надъ имуществомъ или личностью хозяевъ, служащихъ и прочихъ рабочихъ, въ стачкѣ не участвующихъ. Послѣднія двѣ статьи не вызываютъ сомнѣнія въ ихъ принципіальной цѣлесообразности и умѣстности угловныхъ каръ; таковыя сомнѣнія существуютъ лишь по отношенію статей 1358 и 1358[1]. Первая (ст. 1358) изложена нижеслѣдующимъ образомъ: „за стачку между рабочими какого либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истеченія условленнаго съ содержателями сихъ заведеній времени для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы виновные подвергаются: аресту, зачинщики — на время отъ 3-хъ недѣль до 3-хъ мѣсяцевъ, а прочіе отъ 7 дней до 3-хъ недѣль“. Вторая (1358[1]) гласитъ: „За прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ по стачкѣ между собою рабочихъ, съ цѣлью принужденія фабриканта или рабочихъ къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются: подстрекавшіе къ начатію или продолженію стачки — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до 8 мѣсяцевъ, а прочіе участники — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ. Участники стачки, прекратившіе таковую и приступившіе къ работамъ по первому требованію полицейской

власти, отъ наказанія освобождаются".

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ статей, представляется не вполнѣ яснымъ — что же собственно ближайшимъ образомъ караетъ законъ: предварительный ли уговоръ между рабочими, элементы ли насилія, выражающіеся въ угрозахъ, или же самый фактъ прекращенія работъ. Ст. 1358 какъ бы подтверждаетъ предположеніе о томъ, что составъ преступленія заключается именно въ наличности предварительнаго уговора (т. е. стачки въ тѣсномъ значеніи слова) и элементовъ принужденія хозяевъ къ возвышенію заработной платы. Статья же 1358[1] въ своемъ послѣднемъ абзацѣ указываетъ, что участники уже осуществившейся стачки освобождаются отъ всякой отвѣтственности, если только они по первому требованію полиціи возобновятъ прерванныя работы. По смыслу сей послѣдней статьи наказуемымъ элементомъ является лишь осуществленное прекращеніе работъ, но не фактъ стачки (уговора) и не фактъ давленія на хозяина. Если бы было иначе, т. е. если бы запрещалось и каралось вообще дѣяніе стачки или принудительнаго воздѣйствія на хозяина, то участники осуществившейся стачки не могли бы быть освобождаемы отъ наказанія вполнѣ; согласно съ общими началами уголовнаго права, они, освобождаясь отъ отвѣтственности по ст. 1358[1], должны были бы подвергаться таковой же по ст. 1358, ибо преступное намѣреніе у нихъ во всякомъ случаѣ было.

Изъ изложеннаго слѣдуетъ, что цѣль, преслѣдуемая рабочими посредствомъ забастовокъ, т. е. возвышеніе заработной платы, само по себѣ не считается по закону преступной; запрещаются лишь незаконные пути, но не самое стремленіе къ достиженію цѣли. Далѣе,— что предварительный уговоръ (стачка) наказуется лишь въ томъ случаѣ, если онъ не былъ еще приведенъ въ исполненіе; если же послѣднее осуществилось, но забастовка была прекращена по требованію полицейской власти, то тотъ же самый уговоръ (фактъ существованія коего не можетъ подлежать сомнѣнію) становится

уже ненаказуемымъ, что едва ли правильно. Наконецъ, что воздѣйствіе на фабриканта, съ цѣлью принудить его къ возвышенію заработной платы, вообще также не преслѣдуется закономъ, а запрещается и наказуется лишь единственный видъ воздѣйствія, выражающійся въ забастовкѣ. Отсюда ясно, что если послѣдняя, представляющая собою лишь средство для достиженія незапрещенной въ сущности цѣли, признается тѣмъ не менѣе недопустимой, то значитъ она въ самой себѣ заключаетъ нѣчто вредное и посему преслѣдуется закономъ; иначе, т. е. если бы забастовка признавалась средствомъ вполнѣ безвреднымъ, законъ не могъ бы карать за употребленіе невиннаго средства. Въ чемъ же могутъ заключаться тѣ вредные элементы, которые вызываютъ необходимость примѣненія по отношенію къ забастовкамъ уголовной кары?

Гражданское правонарушеніе, обусловливаемое забастовкой (если она происходитъ до истеченія срока найма), заключается въ неисполненіи рабочими принятыхъ на себя договорныхъ обязательствъ и какъ таковое преслѣдуется гражданскимъ порядкомъ. Очевидно, что уголовныя кары, указанныя въ ст. 1358 и 1358[1], налагаются отнюдь не за нарушеніе собственно договора, а за другіе соотвѣтствующіе сему нарушенію элементы, кои могутъ заключаться или въ нарушеніи общественнаго порядка или же въ проявляемомъ по отношенію хозяина насиліи.

Всякая забастовка, составляющая несомнѣнно нарушеніе обычнаго нормальнаго порядка работъ въ промышленномъ заведеніи, не составляетъ еще нарушенія порядка общественнаго, какъ это подробно указывалось выше при разсмотрѣніи ст. 51[1] Устава о наказ., совершенно подобно тому, какъ прекращеніе приказчиками торговли въ какомъ либо магазинѣ, отказъ отъ службы домашней прислуги и т. п. (если указанные случаи нарушенія договоровъ не сопровождаются какими либо актами насилія) никогда не трактуются какъ нарушеніе общественнаго порядка. Съ другой стороны, забастовка не

можетъ почитаться актомъ непосредственнаго принужденія, заключающимъ въ себѣ элементъ насилія. Рабочіе, отказываясь отъ работы до истеченія срока найма, оставляютъ въ полной неприкосновенности личность хозяина и отнюдь не покушаются на захватъ или уничтоженіе его имущества. Если слѣдствіемъ поступка рабочихъ бываютъ убытки хозяину, то эти убытки совершенно такого же характера, какъ и тѣ, которые являются слѣдствіемъ отказа отъ срочной поставки по условленной цѣнѣ какого либо товара, въ чемъ никогда не усматривается уголовной вины. Если въ торговлѣ товарами несоблюденіе договорныхъ условій не трактуется какъ элементъ насилія или нарушенія общественнаго порядка, а преслѣдуется исковымъ порядкомъ, то нѣтъ никакихъ основаній совершенно тождественныя нарушенія въ торговлѣ трудомъ карать уголовно.

Если бы законъ находилъ, что преступнымъ элементомъ въ стачкѣ является элементъ насилія надъ личностью или имуществомъ работодателя, то въ такомъ случаѣ соотвѣтственной карательной статьѣ, подобно другимъ статьямъ уложенія о наказаніяхъ, была бы дана обширная редакція, которая распространялась бы на всѣ случаи стачекъ, не ограничиваясь работниками заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ, ибо при всѣхъ безъ исключенія видахъ личнаго найма значеніе стачекъ остается одинаковымъ. Такъ какъ подобной общей статьи не имѣется, и кромѣ того въ ст. 1358[1] совершенно ясно указано, что со стачечниковъ снимается всякая отвѣтственность, если они возобновятъ работы, то отсюда слѣдуетъ, что уговоръ о досрочномъ расторженіи договора не признается за насиліе. Не слѣдуетъ забывать также и того обстоятельства, что досрочная забастовка рабочихъ не всегда влечетъ за собою убытки для хозяина; иногда бываетъ, какъ показываетъ практика дѣла, какъ разъ наоборотъ. Происходитъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда предпринимателю по какимъ бы то ни было соображеніямъ (коммерческимъ—по состоянію рынка, или техническимъ—въ виду какихъ либо ремонтовъ или пе-

рестроекъ) бываетъ выгодно временно пріостановить или сократить производство; заключенные же съ рабочими длительные сроки найма не даютъ ему права уволить ихъ немедленно. Въ такихъ случаяхъ забастовка бываетъ какъ нельзя болѣе кстати. Пользуясь стачкой рабочихъ, дающей законное право немедленнаго увольненія, хозяинъ разсчитываетъ всѣхъ рабочихъ, а засимъ нанимаетъ новыхъ (полный составъ или только необходимую часть) тогда, когда по состоянію его дѣлъ это представится выгоднымъ. Бывали примѣры (хотя рѣдко), что стачки, выгодныя для фабрикантовъ, вызывались ими искусственно; въ донесеніяхъ чиновъ фабричной инспекціи имѣется по этому поводу достаточный матеріалъ. По отношенію къ ущербу, наносимому забастовками рабочимъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во все время продолженія таковыхъ рабочіе терпятъ весьма большую нужду, доводящую ихъ иногда, какъ показываетъ наблюденіе, до необходимости просить милостыню. Если подсчитать убытки, претерпѣваемые обѣими сторонами отъ забастовки, насколько таковые поддаются исчисленію, то оказывается, что въ общемъ убытки фабрикантовъ и рабочихъ одинаковы. Принимая же во вниманіе существующую разницу въ экономическомъ благосостояніи предпринимателей и рабочихъ, потери послѣднихъ оказываются относительно несравненно значительнѣе. Крайне трудно допустить, чтобы рабочіе рѣшились на столь убыточное для нихъ средство безъ достаточныхъ къ тому поводовъ и тѣмъ менѣе, конечно, въ силу приписываемой имъ многими особой способности и наклонности къ производству безпорядковъ. Изъ помѣщенныхъ въ приложеніи статистическихъ свѣдѣній о забастовкахъ за 1901 годъ видно, что значительное большинство ихъ (83%) имѣло въ своемъ основаніи экономическія причины, вліявшія отрицательнымъ образомъ на благосостояніе рабочихъ (заработная плата—31%, рабочее время—35%, условія работы—17%, проч.—17%).

На основаніи всѣхъ матеріаловъ, имѣющихся по исторіи забастовокъ, можно смѣло утверждать, что же-

ланіе мирно зарабатывать свой кусокъ хлѣба присуще фабрично-заводскимъ рабочимъ отнюдь не въ меньшей степени, чѣмъ и всѣмъ остальнымъ обывателямъ имперіи, и если забастовки на фабрикахъ и заводахъ случаются гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ труда, то причинъ этому слѣдуетъ искать въ особыхъ условіяхъ строя промышленной жизни, а не въ исключительно безпокойномъ характерѣ фабрично-заводскаго населенія. Бороться съ явленіемъ забастовокъ слѣдуетъ путемъ постепеннаго улучшенія всѣхъ сторонъ сложной организаціи промышленности, но не путемъ устрашенія рабочихъ суровостью уголовныхъ каръ за чисто гражданскія правонарушенія. Наличность таковыхъ каръ, весьма хорошо извѣстныхъ всѣмъ рабочимъ, не удерживаетъ ихъ однако отъ забастовокъ, которыя совершаются или не совершаются въ зависимости отъ совокупности иныхъ причинъ, ничего общаго съ боязнью возмездія не имѣющихъ. Это обстоятельство весьма характерно и служитъ доказательствомъ того, что забастовка есть совершенно естественное явленіе, органически связанное съ современными экономическими условіями промышленной жизни, возможное вездѣ, гдѣ имѣетъ примѣненіе наемный трудъ и не могущее быть устраненнымъ при помощи подавленія и пресѣченія отдѣльныхъ случаевъ его проявленія. Примѣненіе такого пріема даетъ особенно мало надеждъ на успѣхъ въ томъ случаѣ, когда законъ въ самомъ себѣ содержитъ противорѣчіе, наказуя то, что по существу своему ненаказуемо, и налагая кары не тѣмъ порядкомъ, каковой тѣмъ же закономъ установленъ въ видѣ общаго правила.

Разсматриваемыя статьи 1358 и 1358[1] грѣшатъ именно въ указанномъ отношеніи. Выше было указано, что въ сихъ статьяхъ карательнымъ элементомъ является собственно не уговоръ и не воздѣйствіе на фабрикантовъ вообще, а одинъ только спеціальный видъ такого уговора и воздѣйствія, выражающійся въ забастовкѣ, причемъ при ближайшемъ разсмотрѣніи послѣдней въ ней, кромѣ чисто гражданскаго правонарушенія

(досрочнаго отказа отъ договорныхъ обязательствъ), не оказалось ни насилія, ни нарушенія общественнаго порядка, т. е. ни одного изъ уголовно наказуемыхъ элементовъ.

Къ указаннымъ принципіальнымъ недостаткамъ разсматриваемыхъ статей можно прибавить цѣлый рядъ другихъ, точно также доказывающихъ ихъ неудобство. Такъ, если рабочіе, зная о предполагаемыхъ съ новаго срока найма измѣненіяхъ въ условіяхъ, которыя для нихъ невыгодны, устраиваютъ забастовку, требуя измѣненія сихъ предполагаемыхъ, но еще не введенныхъ условій, то въ такомъ случаѣ ст. 1358 и 1358[1] къ нимъ не примѣняются, ибо статьи эти имѣютъ въ виду дѣйствующія условія найма, но не предполагаемыя; въ такихъ случаяхъ (происходящихъ довольно часто), рабочіе могутъ преслѣдоваться лишь по ст. 51[4] Уст. о нак. Это, однако, обыкновенно не дѣлается, въ виду крайней обременительности возбужденія сотни, а иногда и тысячи дѣлъ, ибо по ст. 51[4] Уст. о нак. противъ каждаго рабочаго возбуждается особое дѣло. Такое количество послѣднихъ можетъ до чрезвычайности затруднить мѣстные суды, превзойдя фактическую возможность разбора ихъ, и въ большинствѣ случаевъ крайне невыгодно для фабриканта, который рискуетъ на все время, въ теченіе коего виновные будутъ отбывать наказаніе, сидя подъ арестомъ, остаться безъ рабочихъ. Такъ какъ дѣла по ст. 51[4] возбуждаются по заявленію фабрикантовъ, то отъ послѣднихъ зависитъ привлечь или не привлечь своихъ рабочихъ къ отвѣтственности, чего они обыкновенно не дѣлаютъ. Результатомъ этихъ условій является то, что рабочіе, устроившіе забастовку, почти всегда остаются безнаказанными, тогда какъ въ томъ случаѣ, когда они, совершая вполнѣ тождественныя внѣшнія дѣйствія, имѣютъ цѣлью измѣненіе текущихъ (а не предполагаемыхъ) условій найма, къ нимъ примѣняется ст. 1358[1], карающая ихъ тюремнымъ заключеніемъ, притомъ уже независимо отъ воли фабриканта. Подобная неодинаковость отвѣтственности по существу своему

не справедлива, для рабочихъ же она остается кромѣ того вполнѣ непонятной, ибо они не въ состояніи разобраться въ юридическихъ тонкостяхъ и посему остаются въ полномъ убѣжденіи въ произволѣ тѣхъ властей, отъ коихъ зависитъ опредѣленіе состава ихъ проступка и порядка привлеченія къ отвѣтственности.

Далѣе, изъ того обстоятельства, что ст. 1358 и 1358[1] карающъ прекращеніе работъ по стачкѣ рабочихъ между собою не иначе, какъ въ зависимости отъ срока истеченія договора, возникаютъ осложненія еще другого рода. Прекращеніе работъ, происшедшее послѣ окончанія договора, ненаказуемо; наказуется лишь досрочная забастовка, хотя бы таковая произошла наканунѣ дня истеченія договора о наймѣ. Уголовная наказуемость ставится такимъ образомъ въ непосредственную связь не съ существомъ проявленныхъ рабочими недозволенныхъ дѣйствій, а съ чисто формальнымъ признакомъ, т. е. съ моментомъ совершенія дѣянія. Насколько послѣднее необходимо для истеченія гражданскаго иска, настолько же оно мало умѣстно для случаевъ уголовныхъ правонарушеній.

Засимъ, если стачки, имѣющія цѣлью принудить хозяевъ къ возвышенію заработной платы и къ другимъ улучшеніямъ, происходятъ такимъ порядкомъ, что рабочіе прекращаютъ работы и предъявляютъ свои требованія сообща, то въ такомъ случаѣ къ нимъ примѣняется ст. 1358[1] и они подлежатъ тюремному заключенію. Но если бы предъявленіе вполнѣ тождественныхъ требованій и связанное съ этимъ прекращеніе работъ было произведено каждымъ изъ рабочихъ въ отдѣльности, то въ такомъ случаѣ противъ нихъ (притомъ не иначе, какъ противъ каждаго въ отдѣльности) могло бы быть возбуждено преслѣдованіе лишь по ст. 51[4] Устава о наказаніяхъ, которая каетъ арестомъ до 1 мѣсяца. Такимъ образомъ, практическое значеніе ст. 1358 и 1358[1] можетъ быть приведено къ нулю, и если при стачкахъ этого обыкновенно не дѣлается повсемѣстно, то лишь по незнанію и неумѣнію рабочихъ воспользоваться къ своей

выгодѣ несовершенствомъ дѣйствующаго закона.

Неопредѣленность, несогласованность и иногда неправильность тѣхъ основаній, на которыхъ построены нынѣ дѣйствующія карательныя постановленія о стачкахъ и досрочныхъ расторженіяхъ договоровъ личнаго найма, обусловливаютъ неодинаковость взглядовъ у подлежащихъ правительственныхъ органовъ — членовъ фабричной инспекціи, полиціи и судебной власти, что, конечно, весьма вредно отзывается на дѣлѣ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи практическая дѣятельность полиціи, ибо по дѣйствующему закону на ней именно лежитъ обязанность водворенія нарушеннаго порядка. По взглядамъ полицейскихъ органовъ, находящимъ себѣ поддержку въ неопредѣленности и сбивчивости дѣйствующаго закона, всякая забастовка разсматривается не какъ естественное экономическое явленіе, а непремѣнно какъ нарушеніе общественнаго порядка и спокойствія. Между тѣмъ, если бы существовало болѣе спокойное отношеніе къ фактамъ прекращенія работъ на фабрикахъ и заводахъ и забастовки не отождествлялись бы съ нарушеніемъ общественнаго порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинныя причины таковыхъ, отдѣлять законные и справедливые поводы отъ незаконныхъ, неосновательныхъ и принимать мѣры къ миролюбивому соглашенію сторонъ; при подобномъ, болѣе нормальномъ порядкѣ, мѣры пресѣченія и подавленія принимались бы лишь тогда, когда были бы на лицо факты, удостовѣряющіе наличность безпорядка. Въ настоящее же время, когда всякая забастовка трактуется, какъ нарушеніе общественнаго порядка, совершенно естественно, что она должна быть немедленно прекращена, а порядокъ возстановленъ, независимо отъ того, достаточно ли выяснились причины и обстоятельства, вызвавшія забастовку (для чего требуется иногда, смотря по сложности мѣстныхъ условій, весьма продолжительное время) и было ли дѣйствительно нарушеніе общественнаго порядка въ общепринятомъ значеніи этого понятія. На

эту сторону дѣла полиція обыкновенно не обращаетъ вниманія, будучи всецѣло поглощена своей спеціальной задачей. Для достиженія своей цѣли полицейскіе органы дѣйствуютъ обыкновенно двояко: 1) немедленно же принимаютъ мѣры къ тому, чтобы заставить прекратившихъ работы рабочихъ вновь приняться за таковыя (принудительный разсчетъ, аресты, высылки, до употребленія военной силы включительно), или же 2) когда есть къ тому возможность, воздѣйствуютъ на владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, дабы принудить ихъ сдѣлать уступки заявленнымъ во время забастовки требованіямъ рабочихъ, добиться скорѣйшаго возобновленія работъ и такимъ образомъ возстановить нарушенный порядокъ.

Нельзя сказать, чтобы хотя одинъ изъ этихъ двухъ пріемовъ былъ удобенъ. Первый нежелателенъ, какъ всякая репрессія вообще и въ особенности потому, что мѣры пресѣченія, несоотвѣтствующія экономическому характеру возникшаго осложненія, не даютъ возможности разобраться въ предъявляемыхъ рабочими требованіяхъ, препятствуютъ удовлетворенію законнѣйшихъ изъ нихъ и поселяютъ въ средѣ рабочихъ озлобленіе. Второй же пріемъ укрѣпляетъ въ рабочихъ крайневредное убѣжденіе въ томъ, что забастовка есть вѣрнѣйшее средство добиться исполненія своихъ пожеланій во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, законны ли они и справедливы, или же совершенно незаконны и навѣяны извнѣ. Исторія забастовокъ, происходившихъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, даетъ много примѣровъ того вреда, который является результатомъ стремленія къ быстрому подавленію возникающихъ осложненій какою бы то ни было цѣною. Поспѣшно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобленіе среди совершенно спокойныхъ до сего рабочихъ, что приходилось пускать въ дѣло казаковъ, послѣ чего, конечно, не могло быть и рѣчи объ удовлетвореніи даже законныхъ требованій забастовавшихъ. Съ другой стороны, случаи быстраго удовлетворенія незаконныхъ требованій рабочихъ по-

средствомъ воздѣйствія на фабрикантовъ вызывали немедленно же аналогичныя стачки въ другихъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ приходилось уже примѣнять не систему уступокъ, а военную силу, что бываетъ для рабочихъ совершенно непонятнымъ и поселяетъ увѣренность въ несправедливомъ къ нимъ отношеніи и произволѣ властей. Ставить подобное отношеніе въ упрекъ мѣстнымъ полицейскимъ чинамъ, конечно, нельзя, ибо въ самомъ закопѣ, какъ было выше указано, существуетъ неопредѣленность и смѣшеніе понятій, которыя проводятся и въ распоряженіяхъ высшей административной власти. Такъ, напримѣръ, въ циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 12 августа 1897 г. за № 7587, изданномъ безъ соглашенія съ Министромъ Финансовъ, между прочимъ предлагается мѣстнымъ властямъ нижеслѣдующее: „безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ и выяснять зачинщиковъ этихъ сборищъ, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собирались съ цѣлью уговора къ стачкѣ или забастовкѣ (п. 4)“ и „въ случаѣ стачки или забастовки... назначить забастовщикамъ кратчайшій срокъ стать вновь на работу или получить разсчетъ и по истеченіи этого срока всѣхъ не ставшихъ на работу иногородныхъ рабочихъ, прекратившихъ работу **съ соблюденіемъ законныхъ сроковъ**, удалять безотлагательно на мѣста родины или приписки (п. 5)“. „Во всѣхъ случаяхъ стачекъ или забастовокъ“ циркуляръ М. В. Д. рекомендуетъ „преимущественное направленіе дѣлъ въ порядкѣ положенія объ охранѣ“ и т. д.

Изъ этихъ краткихъ выдержекъ видно, что если законъ признаетъ за всякой забастовкой и за каждымъ досрочнымъ отказомъ отъ работы нѣчто выходящее изъ предѣловъ гражданскихъ отношеній и наказуемое уголовно, какъ нарушеніе общественнаго порядка, то высшія административныя власти идутъ еще дальше и придаютъ **всѣмъ** случаямъ стачекъ и забастовокъ значеніе прямо государственное, достойное того, чтобы возникающіе по нимъ дѣла направлять въ порядкѣ положенія

объ охранѣ. Между тѣмъ, въ сущности всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насиліемъ надъ имуществомъ или личностью) есть явленіе чисто экономическое, вполнѣ естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствію. Охрана послѣдняго въ этихъ случаяхъ должна бы выражаться въ формахъ, подобныхъ практикуемымъ во время народныхъ гуляній, торжествъ, зрѣлищъ и т. п. случаевъ, обусловливающихъ скопленіе въ одномъ мѣстѣ необычно большого количества людей, т. е. въ усиленіи личнаго состава и бдительности блюстителей порядка, на случай проявленія какихъ либо насилій и дѣйствительнаго (а не возможнаго только) нарушенія порядка.

Что касается того обстоятельства, что „дѣятели противоправительственной пропаганды въ послѣднее время сосредоточиваютъ свое вниманіе на фабричное населеніе и нерѣдко тамъ скрываются“ и что „накапливающееся постепенно недовольство въ средѣ фабричныхъ рабочихъ дѣлаетъ эту среду доступною къ воспріятію преступныхъ ученій, направленныхъ къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя“ (какъ это выражено въ приведенномъ выше мнѣніи соединенныхъ департаментовъ Государственнаго Совѣта), то все это совершенно вѣрно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ также вѣрно и то обстоятельство, что подавляющее большинство забастовокъ проистекаетъ изъ за чисто экономическихъ, мѣстныхъ, своихъ собственныхъ и, если можно такъ выразиться, кровныхъ причинъ, ничего общаго съ преступной пропагандой не имѣющихъ; случаевъ, явившихся результатомъ послѣднихъ, весьма мало, такихъ же, въ коихъ выставлялись бы противоправительственныя требованія, и совсѣмъ не бываетъ. Рабочіе во всей своей массѣ совершенно не виноваты въ томъ, что среди нихъ скрываются дѣятели преступной пропаганды. Необходимость преслѣдованія послѣдней и примѣненія къ виновнымъ каръ по всей строгости законовъ не даетъ никакихъ основаній устанавливать такой же порядокъ для всѣхъ остальныхъ рабочихъ, которые озабочены

прежде всего тѣмъ, чтобы обезпечить себѣ возможность работать безъ помѣхъ и перерывовъ и получать заработокъ, достаточный для прокормленія себя и своихъ семей. Исключительность положенія фабрично-заводскихъ рабочихъ, вслѣдствіе особаго отношенія къ нимъ закона и высшихъ правительственныхъ властей нерѣдко создаетъ на практикѣ такія условія, благодаря которымъ рабочіе чувствуютъ себя обиженными несправедливымъ по ихъ убѣжденію отношеніемъ и иногда даже озлобляются (о чемъ выше неоднократно упоминалось). Этого обстоятельства ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду, въ виду того серьезнаго значенія, которое, какъ совершенно справедливо указано въ вышеприведенномъ мнѣніи соединенныхъ департаментовъ Госуд. Совѣта, существующее среди рабочихъ недовольство можетъ имѣть въ смыслѣ созданія весьма благопріятной почвы для успѣшнаго воспріятія тѣхъ же преступныхъ ученій, ради искорененія которыхъ вся масса фабрично-заводского населенія поставлена въ совершенно особыя исключительныя условія. Характеръ современнаго отношенія закона и правительственныхъ властей къ забастовкамъ и къ нарушеніямъ договоровъ о наймѣ на фабрикахъ и заводахъ, составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ промышленной жизни страны и требуетъ возможно быстраго оздоровленія, которое слѣдовало бы начать съ исправленія дѣйствующаго закона въ тѣхъ его частяхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ забастовкамъ, стачкамъ и вообще къ самовольнымъ расторженіямъ договоровъ о наймѣ.

Законодательство западно-европейскихъ государствъ довольно давно уже вступило на путь нормировки этой именно области отношеній нанимателей и нанимаемыхъ*).

Австрійскій законъ (1870 г.), признавая неимѣющими законныхъ основаній стачки, устраиваемыя съ цѣлью

---

*) Переводы соотвѣтственныхъ статей относящихся сюда законовъ помѣщены въ приложеніи II.

принудительнаго измѣненія условій найма, тѣмъ не менѣе караетъ въ уголовномъ порядкѣ (арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ) лишь того, кто **насиліемъ или угрозой препятствуетъ другому въ исполненіи его свободныхъ намѣреній дать или взять работу**. Законъ этотъ имѣетъ ограниченную область дѣйствія, касаясь лишь труда промышленнаго, но въ этихъ предѣлахъ распространяется въ равной мѣрѣ какъ на рабочихъ, такъ и на работодателей. Карая проявляемое какой либо изъ сторонъ насиліе надъ личностью или имуществомъ противной стороны, онъ отнюдь не ставитъ своихъ дѣйствій въ связь ни съ нарушеніемъ общественнаго порядка, ни съ моментомъ окончанія гражданскаго договора о наймѣ.

Англійскій законъ (1875 г.), точно также **карая лишь элементы проявленнаго насилія**, имѣетъ вообще значеніе, не пріуроченное спеціально къ забастовкамъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, ни даже вообще къ какимъ бы то ни были нанимателямъ или нанимаемымъ. Цѣль его такимъ образомъ сводится къ огражденію свободы законныхъ дѣйствій каждой личности вообще, а въ томъ числѣ, конечно, фабрикантовъ и рабочихъ.

Итальянскій законъ (1889 г.), въ смыслѣ области распространенія его дѣйствія, ограничивается промышленностью и торговлею. Ограждая вообще свободу поступковъ каждаго въ этихъ областяхъ (не дѣлая при этомъ разницы между работодателями и рабочими, покупателемъ и продавцомъ), онъ **караетъ лишь проявленія насилія или угрозъ**. Нарушенія гражданскаго договора сей законъ также совершенно не касается.

Бельгійскій законъ (видоизмѣненный въ 1892 г.) имѣетъ въ виду работодателей и рабочихъ вообще, наказуетъ въ одинаковой мѣрѣ тѣхъ и другихъ, о гражданскомъ договорѣ не упоминаетъ и **считаетъ составомъ преступленія проявленіе кѣмъ либо насилія.**

Шведскій законъ, подобно всѣмъ прочимъ, также **караетъ только насиліе**, не связывая проявленіе такового ни съ нарушеніемъ общественнаго порядка, ни съ дого-

воромъ о наймѣ и не дѣлая различія между сторонами по ихъ наказуемости. Особенность этого закона, между прочимъ, заключается въ томъ, что онъ въ тѣхъ же карательныхъ статьяхъ устанавливаетъ порядокъ возбужденія дѣлъ, изъ коего видно, что угроза, не вызвавшая какихъ-либо послѣдствій, наказуется лишь въ случаѣ жалобы того лица, къ кому она именно относилась. Что же касается тѣхъ случаевъ, когда уже получились какіе-либо результаты угрозы или насилія, т. е. если кто-либо совершилъ уже, подъ вліяніемъ принужденія, требовавшіяся отъ него дѣйствія, то въ такихъ случаяхъ преслѣдованіе можетъ возбуждаться какъ по жалобѣ потерпѣвшаго, такъ и независимо отъ наличности или отсутствія таковой. Послѣдній случай, т. е. самостоятельное со стороны правительственныхъ властей возбужденіе преслѣдованія, имѣетъ мѣсто тогда, когда, вслѣдствіе совершеннаго подъ вліяніемъ насилія поступка, пострадали интересы третьихъ лицъ, или же когда кто либо былъ вынужденъ, помимо его воли, принять участіе въ забастовкѣ или же, наоборотъ, въ возобновленіи работъ.

Изъ этого параллельнаго сопоставленія, въ смыслѣ наказуемости, не только прекращенія, но въ равной мѣрѣ и возобновленія работъ видно съ особенной ясностью (подобно постановленіямъ закона австрійскаго и итальянскаго), что иностранное законодательство не считаетъ факта прекращенія работъ промышленнаго заведенія за нарушеніе общественнаго порядка, какъ дѣлаетъ это нашъ законъ въ ст. 514 Устава о наказаніяхъ и въ ст. 1358[1] Уложенія о наказаніяхъ.

Швейцарскіе законы (кантоновъ Золотурнъ и Цюрихъ) почти тождественны между собою и построены на тѣхъ же началахъ уголовной наказуемости лишь насилія надъ свободой дѣйствій другого лица.

Наконецъ, въ самое послѣднее время (въ 1899 году) въ германскій рейхстагъ былъ внесенъ проэктъ аналогичнаго же закона, какъ это видно изъ нижеслѣдую-

ющей основной его статьи,*) которая гласитъ:

„Кто путемъ насилія, угрозы, оскорбленія чести или объявленія безчестнымъ побуждаетъ работодателей или рабочихъ къ участію въ союзахъ или соглашеніяхъ, имѣющихъ цѣлью вліяніе на условія найма на работу или вознагражденія, или кто удерживаетъ работодателей или рабочихъ отъ участія въ таковыхъ союзахъ или соглашеніяхъ, тотъ подвергается заключенію въ тюрьму на время до одного года".

Такимъ образомъ, изъ выше приведеннаго бѣглаго обзора иностранныхъ законовъ о стачкахъ видно, что повсемѣстно, безъ исключенія, карается лишь проявленіе насилія надъ свободой дѣйстій другого лица, въ какихъ бы формахъ таковое не выражалось. Забастовки не почитаются нарушеніемъ общественнаго порядка и, если не сопровождаются насиліями, не караются. Наличность принужденія обусловливаетъ собою наказуемость не только прекращеній, но въ равной мѣрѣ и возобновленій работъ. Отвѣтственность сторонъ совершенно одинаковая, и о нарушеніяхъ гражданскаго договора, караемыхъ уголовно, рѣшительно нигдѣ не упоминается.

Въ виду всего вышеизложеннаго, казалось бы, что нѣтъ никакихъ основаній не послѣдовать примѣру прочихъ государствъ и не постараться привести относящіяся сюда статьи нашего закона въ надлежащее соотвѣтствіе съ условіями и требованіями нашей промышленной жизни и общими началами права гражданскаго и уголовнаго. Если бы была признана необходимость осуществленія такого согласованія, то пересмотру подлежали бы нижеслѣдующія статьи дѣйствующаго нынѣ закона, какъ непосредственно связанныя или съ сущностью запрещеннаго дѣянія или съ порядкомъ возбужденія преслѣдованія и наложенія взысканій, а именно:

---

*) Полный переводъ всѣхъ статей законопроэкта помѣщенъ въ приложеніи II.

Статьи Уст. о нак:	Статьи Улож. о нак.:
Ст. 51[4] (по прод. 1895 г.)	Ст. 269[1] (по прод. 1895 г.)
„ 153[2] (по прод. 1895 г.) по существу.	„ 1358 по существу
	„ 1358[1] (по прод. 1895 г.)
	„ 1358[2] (по прод. 1895 г.)
	„ 1358[3] (по прод. 1895 г.) по существу.
	„ 1359.
	„ 1359[2] (по прод. 1895 г.)

Статьи Устава о промышленности:

Ст. 52 пунктъ 2 (по отношенію къ порядку возбужденія и преслѣдованія дѣлъ, относящихся къ статьѣ 1359[1] Улож. о наказан. и ст. 155 Уст. о промышленности).

Ст. 155 по существу.

Статья Устава уголовнаго судопроизводства:

Ст. 1216[2] (по прод. 1895 г.) по отношенію къ порядку возбужденія и преслѣдованія дѣлъ по ст. 52 и 155 Устава о промышленности.

Ст. 1225 (изд. 1892 г.)

„ 1225[1] (изд. 1892 г.) для согласованія.

Не останавливаясь на подробностяхъ, какъ несвоевременныхъ, было бы однако необходимо, въ виду всего вышеизложеннаго, намѣтить тѣ главныя основанія, которыя слѣдовало бы признать руководящими при пересмотрѣ подлежащихъ статей нынѣ дѣйствующаго закона.

Таковыми могли бы быть нижеслѣдующія положенія:

1. Несоблюденіе условій договора о наймѣ не можетъ преслѣдоваться уголовно. Нарушеніе матеріальной стороны сихъ договоровъ подлежитъ вѣдѣнію общаго суда гражданскаго, въ исковомъ порядкѣ. Нарушеніе формальной стороны вѣдается судомъ административнымъ (присутствіями по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ).

2. Уголовному наказанію подлежатъ лишь насилія или угрозы, проявленныя кѣмъ либо по отношенію къ

личности или имуществу другого.

3. Отвѣтственность, какъ гражданская (по отношенію къ матеріальной сторонѣ договоровъ и за исключеніемъ формальной), такъ и уголовная (по отношенію насилій или угрозъ) должна быть одинаковой какъ для работодателей, такъ и для рабочихъ.

4. Прекращеніе работъ промышленнаго заведенія не можетъ почитаться нарушеніемъ общественнаго порядка.

5. Прекращеніе работъ промышленнаго заведенія само по себѣ не наказуемо. Наказуется лишь вынужденіе къ прекращенію работъ, равно какъ и таковое же вынужденіе къ возобновленію ихъ.

6. Насилія и угрозы, имѣющія или могущія имѣть послѣдствіемъ ущербъ только тѣхъ лицъ, къ коимъ они обращены, преслѣдуются не иначе, какъ по заявленіямъ сихъ послѣднихъ.

7. Насилія и угрозы, имѣющія или могущія имѣть послѣдствіемъ ущербъ не только тѣхъ лицъ къ коимъ они обращены, но и лицъ имъ постороннихъ, или же представляющія опасность для государственнаго или общественнаго порядка, преслѣдуются независимо отъ заявленія тѣхъ лицъ къ коимъ они были непосредственно обращены.

8. Всѣ дѣла, возбужденныя по обвиненіямъ въ насиліяхъ или угрозахъ, подлежатъ рѣшенію общихъ судебныхъ установленій, въ обычномъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства.

9. Административному суду (присутствіямъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ) подлежатъ исключительно дѣла по нарушеніямъ формальной стороны договоровъ о наймѣ.

* *
*

II.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣнной въ отдѣлѣ I необходимостью прочной законодательной охраны отъ насилія разнаго рода свободы дѣйствій какъ рабочихъ, такъ и работодателей находится также и вопросъ о таковой же необходимости организаціи самопомощи среди рабочихъ. Для процвѣтанія промышленности чрезвычайно важно, чтобы обѣ стороны, т. е. предприниматели и рабочіе, находились въ возможно лучшихъ условіяхъ, какъ правовыхъ, такъ и матеріальныхъ. Чѣмъ менѣе одна сторона будетъ жить за счетъ и въ ущербъ другой, тѣмъ лучше. Всѣ стремленія правительства (въ особенности начиная съ 1886 г.) заключались именно въ томъ, чтобы, примиряя наисправедливѣйшимъ по возможности образомъ личные интересы предпринимателей и рабочихъ, проводить мѣры одинаково полезныя тѣмъ и другимъ съ точки зрѣнія государственной. Развитіе среди рабочихъ самопомощи, не затрагивая нисколько личныхъ интересовъ работодателей, несомнѣнно улучшитъ положеніе рабочихъ и посему должно почитаться мѣрой полезной и желательной.

Какъ ни оберегало правительство матеріальную сторону положенія рабочихъ посредствомъ изданія разныхъ законовъ въ родѣ обязательнаго вознагражденія за несчастные случаи, о врачебной помощи и т. п., все-таки всегда останется обширная область такихъ отношеній и положеній, въ которыхъ каждый отдѣльно взятый рабочій оказывается вполнѣ безпомощнымъ, какъ вслѣдствіе своей матеріальной необезпеченности, такъ и недостатка знанія и интелектуальнаго развитія. Правильно организованная помощь могла бы во многихъ таковыхъ случаяхъ принести несомнѣнную матеріальную пользу, и кромѣ того, была бы весьма полезной въ воспитательномъ отношеніи, ибо содѣйствовала бы болѣе широкому и глубокому проникновенію въ сознаніе массы убѣжденія о безусловной необходимости законо-

мѣрныхъ отношеній, чего въ настоящее время не наблюдается или наблюдается лишь въ слабой степени.

Полезность организованной самопомощи несомнѣнно сознается самими рабочими, но такъ какъ для нея опредѣленныхъ формъ не имѣется, то поэтому осуществленіе такой самопомощи происходитъ всегда случайно и выражается обыкновенно самымъ ненормальнымъ образомъ .Такъ, при массовыхъ недовольствахъ расцѣнками или какими либо условіями работъ, оно сводится къ убѣжденію въ непремѣнной необходимости и цѣлесообразности дѣйствій скопомъ, что, принимая во вниманіе психологію всякой толпы, а тѣмъ болѣе людей неразвитыхъ, выражается нерѣдко въ совершенно нелѣпыхъ и крайне безобразныхъ поступкахъ. Далѣе, несомнѣнно также, что въ средѣ рабочихъ (по крайней мѣрѣ, въ такихъ промышленныхъ центрахъ, какъ Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Лодзь, Иваново-Вознесенскъ и нѣкоторые другіе) существуютъ тайные кружки съ цѣлью распространенія противоправительственной пропаганды. Кружкамъ этимъ, какъ высказалъ Его Превосходительство Господинъ Министръ Финансовъ (журналъ особаго совѣщанія по вопросу объ уменьшеніи рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ) „совершенно чужды интересы рабочихъ: ихъ исключительная цѣль—породить смуту и тѣмъ или инымъ способомъ вызвать протестъ противъ существующаго порядка“. Хотя дѣятельность этихъ кружковъ и не пользуется симпатіями большинства рабочихъ, но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ удается порождать ту „смуту“, на которую указывалъ г. Министръ Финансовъ.

Будь у рабочихъ своя собственная, допущенная закономъ, а не прячущаяся по угламъ организація, едва ли дѣятельность означенныхъ кружковъ имѣла бы какой нибудь успѣхъ. Наконецъ, нельзя обойти молчаніемъ и такого явленія, какъ организація „собесѣдованій рабочихъ“ и „общество взаимопомощи рабочихъ механическаго производства“ въ г. Москвѣ. Учрежденія эти явились несомнѣнно на почвѣ стремленія рабочихъ

къ самоорганизаціи въ цѣляхъ взаимной помощи и развитія, но порядокъ возникновенія ихъ и задачи, которыя они начали преслѣдовать, не могутъ назваться правильными. Такъ, прежде всего, инструкція совѣту рабочихъ означеннаго общества была утверждена г. московскимъ обер-полицмейстеромъ, причемъ этой самой инструкціей опредѣлились функціи совѣта, ограниченныя исключитено организаціей собесѣдованія. Вскорѣ, однако, означенный совѣтъ принялъ на себя посредническую роль между фабричными рабочими промышленныхъ заведеній г. Москвы и органами правительственной власти, имѣющую предметомъ взаимныя отношенія между предпринимателями и рабочими. Сначала сей совѣтъ обращался къ чинамъ фабричной инспекціи, но засимъ видя, что послѣдніе не признаютъ его компетентности въ принятой на себя самовольно посреднической роли, онъ сталъ обращаться къ обер-полицмейстеру, который не только принимаетъ получаемыя заявленія, но даетъ имъ законный ходъ, чѣмъ санкціонируетъ присвоенныя себѣ совѣтомъ права. Едва ли столь важный и имѣющій общегосударственное значеніе вопросъ, какъ установленіе доселѣ не существовавшаго новаго фактора промышленной жизни, т. е. организаціи рабочихъ (хотя бы и въ цѣляхъ самообразованія и самопомощи), можетъ быть рѣшаемъ мѣстными административными властями, а не законодательнымъ порядкомъ, ибо подобныя мѣстныя рѣшенія, какъ не сообразованныя съ пользой общегосударственной и устанавливающія неодинаковость положенія рабочихъ разныхъ мѣстностей, обладаютъ случайнымъ характеромъ и посему могутъ оказаться иногда даже вредными.

Что же касается до дарованія совѣту общества взаимопомощи вышеуказанныхъ посредническихъ функцій, то таковое явленіе должно почитаться ненормальнымъ, какъ потому, что этотъ органъ, въ виду существованія учрежденія фабричной инспекціи, представляется излишнимъ, такъ и потому, что посредничество во взаимныхъ отношеніяхъ работодателей и рабо-

чихъ представляется настолько серьезнымъ и важнымъ дѣломъ, что было бы неосмотрительно включать его (хотя бы только частью) въ число обязанностей едва зарождающейся организаціи рабочихъ: указанное посредничество можетъ успѣшно выполняться лишь вполнѣ компетентными и притомъ незаинтересованными лицами, каковыми, конечно, рабочіе почитаться не могутъ.

Изложенныя соображенія приводятъ къ тому выводу, что, признавая организацію рабочихъ въ цѣляхъ самопомощи мѣрою полезною и желательною, вмѣстѣ съ тѣмъ крайне важно было бы дать сей организаціи вполнѣ опредѣленное направленіе и намѣтить предѣлы, въ коихъ было бы возможно допустить свободное ея развитіе и примѣненіе, имѣя при этомъ въ виду не отдѣльные частные случаи, а всю совокупность современныхъ соціальныхъ условій и степень развитія рабочихъ вообще. Цѣль таковой указанной организаціи рабочихъ могла бы заключаться:

1) во взаимной матеріальной поддержкѣ и содѣйствіи къ пріобрѣтенію знаній;

2) въ содѣйствіи чинамъ фабричной инспекціи при выясненіи недоразумѣній между фабрикантами и рабочими.

Взаимная матеріальная поддержка въ случаѣ какихъ либо бѣдствій, постигшихъ рабочихъ или членовъ ихъ семей (смерть, болѣзни, естественная инвалидность, пожары и иные случаи раззореній, случайная безработица и т. п.) могла бы оказать существенную помощь пострадавшимъ и не носила бы того нежелательнаго характера благотворенія, которымъ обладаютъ въ настоящее время пособія, выданныя иногда за счетъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній. Пособіямъ, выдаваемымъ изъ суммъ штрафныхъ капиталовъ, на основаніи ст. 152 Устава промышл., точно такъ же придается въ настоящее время со стороны рабочихъ несоотвѣтствующее имъ значеніе обязательности таковыхъ выдачъ, не говоря уже о томъ, что штрафные капиталы имѣются далеко не вездѣ и въ недостаточномъ количествѣ (всего по Имперіи ихъ считается въ насто-

ящее время 2.000.000 руб., причемъ ежегодно выдается пособій изъ процентовъ и текущихъ поступленій до 500.000 руб.). Общее число фабрично-заводскихъ рабочихъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, доходитъ до 1.714.713 человѣкъ. Если принять средній годовой заработокъ каждаго въ 150 руб. (что едва ли существенно отличается отъ дѣйствительности), то въ такомъ случаѣ общій заработокъ всѣхъ рабочихъ имперіи опредѣляется суммою около 250 милліоновъ рублей. Нѣкоторый даже весьма незначительный процентъ отъ такой суммы, употребленный на пособія нуждающимся членамъ, могъ бы оказать въ случаяхъ нужды весьма ощутительную пользу.

Образованіе обществъ среди рабочихъ и различныхъ кассъ, имѣющихъ вышеозначенныя цѣли, равно какъ и цѣли содѣйствія къ накопленію сбереженій (въ томъ числѣ и потребительныя общества), должно быть по возможности облегчено, причемъ нормальные уставы сихъ обществъ и кассъ должны быть во всякомъ случаѣ выработаны и утверждены центральными правительственными органами и, быть можетъ, даже проведены законодательнымъ порядкомъ, но никакъ не мѣстными административными властями, которымъ можно было бы предоставить лишь право разрѣшенія къ открытію дѣйствія такихъ мѣстныхъ обществъ рабочихъ, уставы коихъ не представляютъ, по существу, никакихъ отступленій отъ нормальныхъ. При этомъ казалось бы, что въ обезпеченіе прочности и успѣха правильнаго функціонированія кассъ и обществъ взаимопомощи, едва ли возможно обойтись безъ обязательнаго участія всѣхъ рабочихъ даннаго заведенія или района, входящаго въ кругъ вѣдѣнія общества или кассы. Иначе ожидаемая польза будетъ призрачной и самое существованіе кассы или общества неустойчивымъ. Никакихъ иныхъ функцій, кромѣ оказанія матеріальной поддержки своимъ нуждающимся сочленамъ, разсматриваемымъ кассамъ и обществамъ предоставлять не слѣдовало бы, причемъ ссудная операція, какъ весьма рискованная и

при недостаткѣ гарантій въ правильности ея осуществленія могущая имѣть роковыя послѣдствія для самого существованія кассы или общества, также должна быть изъятой.

Кромѣ кассы и обществъ взаимопомощи или потребительныхъ, могло бы быть допущено образованіе другихъ обществъ, имѣющихъ цѣлью содѣйствіе своимъ членамъ въ пріобрѣтеніи знаній. Выработка и утвержденіе уставовъ сихъ обществъ точно такъже не могутъ быть предоставлены мѣстнымъ административнымъ властямъ, во избѣжаніе могущихъ быть весьма нежелательныхъ уклоненій отъ прямой цѣли учрежденія сихъ обществъ. Для нихъ долженъ быть составленъ центральными учрежденіями особый нормальный уставъ, находящійся въ непосредственной связи съ основными положеніями закона о школахъ и профессіальныхъ курсахъ для рабочихъ, устраиваемыхъ при промышленныхъ заведеніяхъ. Разница въ существѣ задачъ, преслѣдуемыхъ обществами взаимопомощи и обществами для содѣйствія пріобрѣтенію знаній, обусловливаетъ собой необходимость такихъ же существенныхъ отличій и въ организаціи ихъ. Кассы и общества взаимопомощи прежде всего заинтересованы въ прочности своего существованія и въ возможно обильномъ и правильномъ поступленіи матеріальныхъ средствъ, что осуществимо лишь при обязательности участія и значительности числа членовъ. Отсюда вытекаетъ невозможность или затруднительность учрежденія такихъ кассъ и обществъ при отдѣльныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и необходимость широкихъ районовъ ихъ дѣйствія. Въ совершенно иныхъ условіяхъ находятся общества, преслѣдующія цѣли пріобрѣтенія знаній. Обязывать къ непремѣнному денежному участію того изъ рабочихъ, кто знанія не ищетъ, конечно, нѣтъ никакихъ основаній; заставить его искать такового знанія — еще того менѣе.

Отсюда вытекаетъ неудобство и принципіальная неправильность обязательнаго привлеченія членовъ къ участію въ разсматриваемыхъ обществахъ. Далѣе для ор-

ганизаціи курсовъ по пріобрѣтенію знаній особо значительныхъ средствъ не требуется и, кромѣ того, многочисленная аудиторія или классъ менѣе полезны для слушателей, чѣмъ малочисленная; въ этомъ отношеніи существуютъ опредѣленныя самой природой дѣла границы, за предѣлами коихъ увеличеніе числа слушателей не только не приноситъ никакой пользы, но можетъ быть даже вреднымъ. Кромѣ того, разстояніе отъ мѣста жительства слушателей до мѣста, гдѣ происходитъ чтеніе лекцій или курса, имѣетъ весьма существенное значеніе, особенно принимая во вниманіе ограниченность свободнаго у рабочихъ времени. Совокупность изложенныхъ соображеній заставляетъ придти къ выводу о необходимости признать за общее основное правило, чтобы чтеніе лекцій или курсовъ было пріурочено къ опредѣленному промышленному заведенію или, въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, къ группамъ таковыхъ, находящихся въ сосѣдствѣ, и чтобы составъ аудиторій былъ не случайнымъ, а постояннымъ, опредѣленнымъ числомъ членовъ соотвѣтственнаго общества. Изложенныя отличія въ существѣ задачъ и способовъ осуществленія обществъ взаимопомощи и обществъ по пріобрѣтенію знаній обусловливаютъ собою невозможность сліянія сихъ разнородныхъ обществъ въ одно и необходимость самостоятельнаго ихъ существованія.

Вышеизложенными формами, въ которыхъ можетъ осуществиться организація рабочихъ, имѣющая цѣлью самопомощь, возможно было бы ограничиться.

Практика дѣла выяснитъ, насколько они окажутся полезными и возможно ли расширять далѣе организацію рабочихъ, каковое расширеніе при настоящихъ условіяхъ было бы преждевременнымъ и мало осмотрительнымъ.

Что касается до той части организаціи рабочихъ, которая имѣетъ цѣлью не самопомощь, а содѣйствіе чинамъ фабричной инспекціи при выясненіи различнаго рода недоразумѣній между работодателями и рабочими

то необходимость таковой организаціи вытекаетъ изъ нижеслѣдующаго:

Природный строй каждаго промышленнаго заведенія обусловливаетъ собою тождественность интересовъ, если не всѣхъ безъ исключенія рабочихъ, то во всякомъ случаѣ значительныхъ группъ таковыхъ. При наличности упомянутыхъ коллективныхъ интересовъ, рабочіе лишены, однако, в зможности обсуждать свои общія дѣла иначе, какъ путемъ тайныхъ сборищъ, и высказывать свои коллективныя недовольства или просьбы иначе, какъ путемъ забастовокъ. Эти формы, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ, принадлежатъ къ числу самыхъ неудобныхъ, а между тѣмъ онѣ преобладаютъ, за отсутствіемъ другихъ болѣе подходящихъ. Хотя дѣйствующій законъ прямо и не воспрещаетъ собраній рабочихъ съ цѣлью обсужденія интересующихъ ихъ вопросовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не даетъ никакихъ указаній о допустимости какой либо организаціи рабочихъ для достиженія вышеозначенныхъ цѣлей; по укоренившимся же среди административно полицейскихъ органовъ взглядамъ всякое сборище, не имѣющее установленнаго разрѣшенія, преслѣдуется, какъ незаконное. Упоминавшійся ранѣе циркуляръ Министра Внутр.Дѣлъ за № 7587 прямо предписываетъ: „безусловно воспрещать всякія сходки рабочихъ и выяснять зачинщиковъ этихъ сборищъ, подвергая послѣднихъ аресту, если сходки собирались съ цѣлью уговора къ стачкѣ или забастовкѣ.“ Несмотря на наличность запрещенія, рабочимъ всетаки необходимо собираться вмѣстѣ, чтобъ перетолковать о своихъ дѣлахъ, что они и дѣлаютъ, но дѣлаютъ это тайно, собираясь часто въ укромныхъ мѣстахъ самого промышленнаго заведенія, частью на вольныхъ квартирахъ, частью — на открытомъ воздухѣ, гдѣ нибудь въ лѣсу или полѣ, внѣ надзора. Сходки эти происходятъ въ ограниченномъ составѣ участвующихъ лицъ (ибо, конечно, далеко не всѣ рабочіе могутъ и желаютъ быть на нихъ), притомъ весьма часто при участіи совершенно нежелательныхъ, неблагонадеж-

ныхъ элементовъ, преслѣдующихъ свои политическія цѣли, сбивающихъ рабочихъ съ правильнаго пути и наносящихъ этимъ большой и трудно поправимый вредъ. Почва для неблагонамѣренной агитаціи создается уже по одному тому, что всѣ подобныя сборища происходятъ тайнымъ образомъ. Но независимо отъ сего, даже при полномъ отсутствіи неблагонадежныхъ элементовъ, обсужденіе и рѣшеніе подобныхъ собраній зачастую принимаютъ весьма уродливыя формы — вслѣдствіе отсутствія въ средѣ совѣщающихся достаточно компетентныхъ и объективно настроенныхъ лицъ. Чинамъ фабричной инспекціи, путемъ своевременнаго устраненія какихъ либо общихъ причинъ неудовольствія, въ родѣ, напримѣръ, невыгодныхъ расцѣнокъ, неудобныхъ правилъ внутренняго распорядка, или иныхъ условій, иногда удается предупредить возникновеніе осложненій: случаи подобнаго рода нерѣдки. Но за всѣмъ тѣмъ еще болѣе многочисленны другіе случаи, когда фабричная инспекція не можетъ даже предвидѣть источника недовольства рабочихъ и фактъ послѣдняго является совершенно неожиданнымъ въ видѣ совершившейся уже забастовки. Условія работъ въ промышленныхъ заведеніяхъ настолько разнообразны, что расцѣнки, правила и проч. документы, опредѣляющіе условія найма и заблаговременно извѣстные чинамъ фабричной инспекціи, не могутъ исчерпать собою всю сумму разнообразныхъ отношеній между работодателями и рабочими и не даютъ возможности обнаружить наличность недовольства послѣднихъ, каковое выясняется лишь изъ личныхъ съ ними бесѣдъ. Прибѣгать по собственной иниціативѣ фабричныхъ инспекторовъ къ системѣ опроса, съ цѣлью опредѣлить наличность или отсутствіе недовольства, весьма часто не можетъ придти въ голову за отсутствіемъ какихъ бы то ни было къ тому поводовъ: главное же, что мѣшаетъ прибѣгнуть къ такому способу, заключается въ крайнемъ его неудобствѣ, ибо подобный пріемъ дѣйствуетъ на массу деморализующимъ образомъ и потому даже прямо воспрещается дѣйствующими ин-

струкціями. Подобный опросъ и вообще формальное разслѣдованіе можетъ начинаться лишь тогда, когда фабричнымъ инспекторомъ получено уже отъ рабочихъ какое либо заявленіе. Сдѣлать же коллективное заявленіе, въ большинствѣ случаевъ, рабочіе могутъ не иначе, какъ прекративъ работы и дѣйствуя скопомъ, т. е. сосовершая, согласно установившимся взглядамъ, проступокъ противъ общественнаго порядка. Избраніе, съ цѣлью веденія переговоровъ, выборныхъ отъ рабочихъ ими тщательно избѣгается по вполнѣ понятнымъ причинамъ. Подобные выборные, какъ закономъ не предусмотрѣнные, не чувствуютъ подъ собою легальной почвы и считаются, какъ управленіями промышленныхъ заведеній, такъ и полиціей за людей, безусловно вредныхъ, — за подстрекателей и зачинщиковъ — и потому, во первыхъ, лишаются обыкновенно мѣста не только въ данномъ заведеніи, но и въ другихъ ближайшихъ, и во вторыхъ, весьма часто подвергаются арестамъ и высылкѣ по распоряженію полиціи. Въ дѣятельности фабричной инспекціи во время забастовокъ весьма часты случаи, когда инспекторы, въ виду физической невозможности разговаривать съ тысячной толпой и отказа послѣдней отъ избранія депутатовъ, бываютъ вынуждены сами указывать первыхъ попавшихся изъ числа близко стоявшихъ лицъ, съ какими происходятъ переговоры и выясняются вопросы, вызвавшіе недоразумѣнія,причемъ сплошь и рядомъ бываетъ, что среди подобныхъ случайно попавшихъ въ представители людей большинство совершенно для этой цѣли не пригодно. Болѣе разумные и свѣдущіе рабочіе, которые дѣйствительно могли бы быть выразителями причинъ недовольства и пожеланій большинства, остаются въ толпѣ, не желая подвергаться риску потерять мѣсто и быть арестованными или высланными. Совокупность вышеизложенныхъ и имъ подобныхъ условій дѣйствуетъ крайне вредно на успѣшность переговоровъ, вслѣдствіе чего маловажныя въ сущности причины недовольства приводятъ иногда къ весьма серьезнымъ и нежелательнымъ послѣдствіямъ, которыхъ не бы-

ло бы, если бы рабочіе имѣли болѣе свободы въ легальномъ обсужденіи и выраженіи своихъ нуждъ.

Слѣдствіемъ приведенныхъ соображеній является выводъ о желательности узаконенія таковаго порядка, согласно коему рабочіе не только имѣли бы право, но были обязаны избирать изъ своей среды представителей, обязанность коихъ заключалась бы въ выясненіи нуждъ и желаній большинства рабочихъ, избравшихъ ихъ своими првдставителями, и въ переговорахъ, какъ съ владѣльцами промышленныхъ заведеній, такъ и съ чинами фабричной инспекціи при необходимости вмѣшательства сихъ послѣднихъ. Свобода собраній рабочихъ, съ цѣлью выясненія своихъ нуждъ, не должна быть стѣснена, причемъ во избѣжаніе скопленія слишкомъ большаго числа людей, неизбѣжнаго при общихъ собраніяхъ рабочихъ значительныхъ промышленныхъ заведеній, порядокъ такихъ собраній долженъ быть таковъ, чтобы общія собранія происходили лишь въ составѣ выборныхъ, уполномоченныхъ отъ своихъ ибзирателей.

Означенная организація должна быть проведена законодательнымъ порядкомъ и регламентирована особымъ положеніемъ.

При осуществленіи намѣченныхъ во всемъ вышеизложенномъ мѣропріятій можно надѣяться, что существующіе пробѣлы въ охранѣ какъ правовой, такъ и матеріальной стороны, положенія сторонъ, занятыхъ промышленнымъ трудомъ, будутъ заполнены согласно съ тѣми основными принципами, которые проводятся правительствомъ начиная съ 1886 г., и что такимъ образомъ мѣры эти послужатъ къ дальнѣйшему процвѣтанію нашей промышленности въ ея цѣломъ.

* * *

Проэктъ карательныхъ статей Уложенія о наказаніяхъ взамѣнъ нынѣ дѣйствующихъ: Устава о наказаніяхъ 153[2], Уложенія о наказаніяхъ 1358, 1358[1] 1358[2], 1358[3], 1359, 1359[1], 1359[2].

1) За насилія, угрозы или обезславленія, совершенныя кѣмъ либо изъ работодателей или рабочихъ по отношенію къ личности или имуществу другого и имѣющія цѣлью, вопреки свободнымъ и законнымъ намѣреніямъ послѣдняго, принудить его или помѣшать ему:

a) продолжать работы, прекратить таковыя или возобновить прерванныя;

b) уволить или удалить отъ работы;

c) нанять или наняться на работу;

d) предложить или принять предлагаемое вознагражденіе или иныя условія работы;

e) сохранить неизмѣнными или измѣнить существующія договорныя условія, какъ по собственному побужденію, такъ и вслѣдствіе заявленныхъ о томъ требованій; виновные, буде содѣянное ими не составляетъ болѣе тяжкаго преступленія и независимо отъ обязанности вознаградить за понесенные потерпѣвшимъ убытки, подвергаются: за угрозы и обезславливаніе — аресту не свыше 1 мѣсяца; за насиліе — тюремному заключенію не свыше 4 мѣсяцевъ.

2) За совершеніе дѣяній, предусмотрѣнныхъ предшествующей статьей (1), кои причинили или могли причинить, какъ личный, такъ и имущественный вредъ общественной безопасности, виновные, буде содѣянное ими не составляетъ болѣе тяжкаго преступленія и независимо отъ обязанности вознаградить за понесенные потерпѣвшимъ убытки, подвергаются, смотря по степени своей вины и размѣрамъ угрожавшаго или причиненнаго вреда, тюремному заключенію на срокъ не свыше 8 мѣсяцевъ.

3.) За совершеніе дѣяній, предусмотрѣнныхъ предшествующими (1 и 2) статьями, соединенными силами многихъ лицъ участники такового скопища, буде содѣянное ими не составляетъ болѣе тяжкаго преступленія и независимо отъ обязанности вознаградить за понесенные потерпѣвшимъ убытки, подвергаются поименованнымъ въ упомянутыхъ (1 и 2) статьяхъ наказаніямъ, повышеннымъ, по усмотрѣнію суда, на одну или на двѣ степени.

Для зачинщиковъ или подстрекателей наказаніе повышается еще на одну степень.

4.) Преслѣдованіе возбуждается:

за дѣянія, предусмотрѣнныя статьей 1 — по заявленіямъ потерпѣвшихъ; за дѣянія, предусмотрѣнныя ст. 2 и 3 — независимо отъ заявленія потерпѣвшихъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Статьи нынѣ дѣйствующаго закона, подлежащія пересмотру.

Статьи устава о наказаніяхъ.

Ст. 51[4] (по прод. 1895 г.). За самовольный отказъ отъ работы до истеченія срока найма или же при наймѣ на срокъ неопредѣленный безъ предупрежденія хозяина за двѣ недѣли, виновный въ томъ фабричный или заводскій рабочій подвергается — аресту не свыше 1 мѣсяца.

Ст. 1532 (по прод. 1895 г.). За умышленное поврежденіе или истребленіе находящихся на фабрикѣ или заводѣ сложныхъ и цѣнныхъ орудій производства, виновный въ томъ рабочій, буде его дѣйствіе не составляетъ болѣе тяжкаго преступленія, подвергается — аресту до трехъ мѣсяцевъ. Если же послѣдствіемъ такого поврежденія или истребленія будетъ остановка работы на фабрикѣ, то виновный подвергается: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года.

Статьи уложенія о наказаніяхъ.

Ст. 269[1] (по прод. 1895 г.). Виновный въ участіи въ публичномъ скопищѣ, учинившемъ соединенными силами насиліе надъ личностью, похищеніе или поврежденіе чужого имущества, или вторженіе въ чужое жилище, или покушеніе на сіи преступленія, вслѣдствіе побужденій, проистекшихъ изъ вражды религіозной, племенной или сословной, или **изъ экономическихъ отношеній***) подвергается: лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по третьей, четвертой или пятой степени ст. 31 сего уложенія.

*) Подчеркнуто авторомъ Записки.

Если же скопище оказало соединенными силами насильственное противодѣйствіе вооруженной силѣ, призванной для его разсѣянія, то участвовавшіе въ такомъ противодѣйствіи подвергаются: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на время отъ 6 до 8 лѣтъ или отъ 4 до 6 лѣтъ.

Устроившій скопище, первою частью сей статьи предусмотрѣнное, или участникъ онаго, имъ руководившій при учиненію насилія надъ личностью, похищеніи или поврежденіи чужого имущества, при вторженіи въ чужое жилище или покушеніи на такія дѣйствія, а также подстрекавшіе къ учиненію или продолженію оныхъ подвергаются: лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по первой или второй степени статьи 31 сего уложенія.

Участнику скопища, руководившему при учиненіи насильственнаго противодѣйствія вооруженной силѣ, призванной для разсѣянія сего скопища, или подстрекавшему къ учиненію или продолженію упомянутаго противодѣйствія, наказаніе можетъ, по усмотрѣнію суда, быть увеличено: одною, двумя или тремя степенями.

Ст. 1358. За стачку между работниками какого либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истеченія условленнаго съ содержателями сихъ заведеній времени для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются: аресту, зачинщики на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ, а прочіе отъ 7 дней до 3 недѣль.

Ст. 1358[1]. (по прод. 1895 г.). За прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ по стачкѣ между собою рабочихъ, съ цѣлью принужденія фабрикантовъ или заводчиковъ къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма до истеченія срока найма, виновные подвергаются: подстрекавшіе къ начатію или продолженію стачки—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ

4 до 8 мѣсяцевъ, а прочіе участники—заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ.

Участники стачки, прекратившіе стачку и приступившіе къ работамъ по первому требованію полицейской власти, отъ наказанія освобождаются.

Ст. 1358[2] (по прод. 1895 г.). Участники стачки, причинившіе поврежденія или уничтоженіе заводского или фабричнаго имущества или имущества лицъ, служащихъ на заводѣ или фабрикѣ, буде содѣянное ими не составляетъ болѣе тяжкаго преступленія, подвергаются: подстрекавшіе къ симъ дѣйствіямъ или распоряжавшіеся толпою—тюремному заключенію на время отъ 8 мѣсяц. до 1 года и 4 мѣсяцевъ, а прочіе участники—тюремному заключенію на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ.

Ст. 1358[3] (по прод. 1895 г.). Участники стачки, принудившіе другихъ рабочихъ, посредствомъ насилія и угрозъ, прекратить работу или не возобновлять прекращенную, буде учиненное ими насиліе не составляетъ тяжкаго преступленія, подвергаются: подстрекавшіе къ симъ дѣйствіямъ или распоряжавшіеся толпою—тюремному заключенію на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, а прочіе участники—тюремному заключенію на время отъ 4 до 8 мѣс.

Ст. 1359. Если содержатели фабрикъ, заводовъ и мануфактуръ прежде истеченія установленнаго съ работниками сихъ заведеній времени самовольно понизятъ плату своихъ работниковъ или же будутъ заставлять ихъ вмѣсто слѣдуемой имъ платы деньгами получать ее товаромъ, хлѣбомъ и другими какими либо предметами, то они за сіе подвергаются: денежному взысканію отъ 100 до 300 руб. и сверхъ того обязаны вознаградить за понесенные вслѣдствіе сего рабочими убытки.

Ст. 1359[1]. За выдачу рабочимъ людямъ наемной платы не наличными деньгами, но отдѣленными отъ процентныхъ бумагъ купонами, какъ не подлежащими еще оплатѣ, такъ равно и такими, срокъ платежа по которымъ уже наступилъ, виновные въ томъ наниматели или уполномоченные ими лица подвергаются: денежному взыска-

нію отъ 50 до 300 рублей.

Ст. 1359[2] (по прод. 1895 г.). За совершеніе проступковъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1359 и 1359[1] сего уложенія, въ 3-ій разъ, или хоть бы въ 1-ый и во 2-ой разъ но когда эти проступки вызвали на фабрикѣ или заводѣ волненія, сопровождавшіяся нарушеніемъ тишины и порядка, и повлекли принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ, завѣдующій фабрикой или заводомъ подвергается: аресту на время до 3 мѣсяцевъ и сверхъ того можетъ быть лишенъ права завѣдывать фабриками и заводами на время до 2-хъ лѣтъ.

Статьи устава о промышленности.

Ст. 52 (п. 2). Рѣшеніе дѣлъ о нарушеніяхъ, перечисленныхъ въ ст. 153-155, а равно дѣлъ о нарушеніи ст. 1359[1] Улож. о наказ., учиненныхъ завѣдующими фабриками и заводами въ 1-ый и 2-ой разъ, когда сіи послѣднія нарушенія не сопровождаются послѣдствіями, указанными въ ст. 1359[2] улож. о нак. (по прод. 1895 г.).

Ст. 155. Завѣдующій фабрикой или заводомъ:

1, за взиманіе съ рабочихъ платы за такіе предметы, пользованіе которыми должно быть имъ предоставлено безвозмездно, а равно за взиманіе платы въ случаяхъ, въ которыхъ сіе дозволено, но въ размѣрѣ, превышающемъ установленный закономъ или особыми правилами;

2, за взиманіе процентовъ на деньги, выдаваемыя рабочимъ заимообразно, и вознагражденія за ручательство по ихъ долговымъ обязательствамъ,

и 3, за расплату съ рабочими вмѣсто денегъ условными знаками, хлѣбомъ, товаромъ или иными предметами—подвергаются денежному взысканію отъ 50 до 300 руб.

Ст. 1216[2] (по прод. 1895 г.). Возбужденіе преслѣдованія и въ подлежащихъ случаяхъ обвиненіе на судѣ виновныхъ въ нарушеніи правилъ о надзорѣ за благоустройствомъ и порядкомъ въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности (Уставъ о промышл. ст. 39 и дополн. по

продолженіямъ 48, 50, 51, по прод. 52, 57, 58, по прод. 59, 60 и 128-156) возлагается въ отношеніи фабрикъ и заводовъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, на сію инспекцію. На частныхъ горныхъ заводахъ и промыслахъ возбужденіе преслѣдованія, а въ подлежащихъ случаяхъ и обвиненіе въ судѣ виновныхъ въ нарушеніи правилъ, изложенныхъ въ ст. 86-89, 100 и доп. (по прод.), 101-119, 120 (по прод.), 121-126 и 128-155 уст. о промышл., возлагается на окружныхъ горныхъ инженеровъ и ихъ помощниковъ (ст. устава горн., ст. 93, доп. по пром.).

Примѣчаніе: (изд. 1892 г.) Исполненіе обязанностей по преслѣдованію на судѣ виновныхъ въ нарушеніи указанныхъ въ сей (1216²) статьѣ правилъ Устава о промышленности можетъ быть возлагаема на чиновъ полиціи.

Ст. 1225 (изд. 1892 г.). Протоколы о нарушеніяхъ порядка, установленнаго для устройства и содержанія заводовъ, мануфактуръ и другихъ заведеній, составляются чинами мѣстнаго полицейскаго и врачебнаго управленія совмѣстно съ губернскимъ, если оно находится въ мѣстѣ составленія протоколовъ.

Ст. 1225¹ (изд. 1892 г.). Протоколы о нарушеніи правилъ, указанныхъ въ ст. 1216², составляются чинами фабричной инспекціи или окружными горными инженерами и ихъ помощниками, по принадлежности, порядкомъ, опредѣленнымъ въ ст. 1131 и слѣдующихъ сего Устава и передаются ими судебной власти, либо въ подлежащія присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ,

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Выдержки изъ иностранныхъ законовъ о стачкахъ.

(Переводъ)

I. Австрійскій законъ.

Изъ закона 7-го апрѣля 1870 г. о стачкахъ (Verabredungen)

1. Работодателей или рабочихъ, имѣющихъ цѣлью принудительное измѣненіе условій работы и т. д.

2. Стачки работодателей (содержателей промышленныхъ заведеній, Dienstgebern, управляющихъ фабриками, горными, горнозаводскими, сельско-хозяйственными или иными промышленными предпріятіями), имѣющія цѣлью, посредствомъ прекращенія дѣйствія заведенія или увольненія рабочихъ, принудить послѣднихъ къ принятію пониженной заработной платы или худшихъ условій работъ; равнымъ образомъ, стачки рабочихъ (подмастерьевъ, подручныхъ, Bediensteten или иныхъ рабочихъ, работающихъ за плату), имѣющія цѣлью, посредствомъ всеобщей пріостановки работъ, принудить работодателей къ повышенію заработной платы или вообще къ улучшенію условій работъ; наконецъ, всѣ соглашенія [Vereinburungen], имѣющія цѣлью оказаніе поддержки состоящимъ въ стачкѣ или причиненіе вреда отказавшимся отъ таковой — признаются неимѣющими законныхъ основаній [haben keine recht'iche Wirkung].

3. Кто посредствомъ угрозы или насилія, въ цѣляхъ образованія, распространенія или принудительнаго выполненія Zwangsweise durchfiihrung одного изъ указанныхъ въ § 2 сглашенія воспрепятствуетъ или попытается воспрепятствовать работодателю или рабочему въ исполненіи ихъ сво-

бодныхъ намѣреній дать или принять работу, тотъ, если его дѣянія не подлежатъ болѣе тяжкому наказанію по закону (Strafgesetz), признается виновнымъ (Uebertretung schuldig) и, по рѣшенію суда, подвергается аресту отъ 8 дней до 3 мѣсяцевъ.

II. Англійскій законъ.

Conspiracy and Protection of Property Act

(Отъ 13 августа 1875 года)

Ст. 7. Всякій, кто несправедливо (wrongfully) и не имѣя на то законнаго права, съ цѣлью принужденія другого къ несовершенію или совершенію тѣхъ дѣйствій, кои сей другой имѣетъ законное право совершать или не совершать, будетъ:

1. употреблять насиліе или угрожать другому, или его женѣ, или дѣтямъ, или наносить ущербъ его имуществу;

2. настойчиво всюду (from place to place) преслѣдовать другого;

3. прятать орудія, одежду или другую собственность, принадлежащую другому, или имъ употребляемую, лишать его таковыхъ или мѣшать ими пользоваться;

4. не выпускать изъ подъ надзора (to watch] или осаждать (to beset) домъ или иное мѣсто, равно какъ и пути къ нимъ, гдѣ другой живетъ, работаетъ, занимается или случайно находится, или

5. безчинно (in a disorderly manner) въ сообществѣ двухъ или болѣе лицъ, преслѣдовать другого по улицамъ или дорогамъ, тотъ по рѣшенію суда, въ порядкѣ упрощеннаго судопроизводства (by a court of summary jurisdiction) или на основаніи нижеупомянутаго обвинительнаго акта (indictment) присуждается:

или къ уплатѣ денежнаго штрафа, не превышающаго 20 фунтовъ, или къ тюремному заключенію на срокъ не свыше 3 мѣсяцевъ, съ принудительными работами или безъ таковыхъ,

Пребываніе въ домѣ или мѣстѣ, гдѣ лицо живетъ или работаетъ, занимается или случайно находится, равно какъ и нахожденіе около или приближеніе къ нимъ, единственно съ цѣлью полученія или передачи извѣстій, не должно почитаться надзоромъ (watching) или осадой (besetting) въ смыслѣ настоящей статьи.

III. Итальянскій законъ.

(Отъ 30 іюня 1889 года)

Ст. 165. Кто посредствомъ насилія или угрозъ, какимъ бы то ни было способомъ ограничитъ свободныя дѣйствія другого въ его промышленныхъ или торговыхъ дѣлахъ или таковымъ воспрепятствуетъ, тотъ подвергается тюремному заключенію на время до 20 мѣс. и денежному штрафу отъ 100 до 3000 лиръ.

Ст. 166. Кто посредствомъ насилія или угрозъ учинитъ пріостановку или прекращеніе работъ, или окажетъ тому содѣйствіе, съ цѣлью принудить рабочихъ, работодателей или предпринимателей къ пониженію или повышенію заработной платы, или къ принятію иныхъ, требуемыхъ по взаимной стачкѣ условій работъ, тотъ подвергается тюремному заключенію до 20 мѣс.

Ст. 167. Зачинщики и подстрекатели дѣяній, указанныхъ въ предыдущихъ статьяхъ, подвергаются тюремному заключенію отъ 3 мѣс. до 3 лѣтъ и денежному штрафу отъ 500 до 5000 лиръ.

IV. Бельгійскій законъ.

(Code pénal belge de 1867)

Ст. 310 (измѣненная закономъ 30 мая 1892 г.).

Наказуется тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 50 до 1000 франковъ (или же однимъ изъ сихъ наказаній) всякій, кто, въ цѣляхъ принудительнаго возвышенія или пониженія заработной платы или причиненія вреда свободному ходу производства

или работы (труда), учинитъ насиліе, будетъ наносить оскорбленія, производить угрозы, или объявлять о какомъ бы то ни было штрафѣ, запрещеніи, лишеніи правъ или изгнаніи (aura prononcé des amendes, des défenses, des interdictions ou une proscription quelconque), относящихся какъ къ рабочимъ, такъ и къ работодателямъ.

Такому же наказанію подвергается тотъ, кто причинитъ вредъ свободѣ хозяевъ или рабочихъ посредствомъ: сходокъ около помѣщеній, гдѣ производятся работы, или около жилищъ управляющихъ; угрожающихъ дѣйствій по отношенію рабочихъ, идущихъ на работу или съ нея возвращающихся; взрывовъ, производимыхъ вблизи помѣщеній, въ коихъ производится работа, или въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ рабочими; разрушенія оградъ тѣхъ помѣщеній, въ коихъ производятся работы, или жилищъ, или земель, занятыхъ рабочими; разрушенія или приведенія въ состояніе, негодное къ употребленію для предназначаемой цѣли, орудій, инструментовъ, аппаратовъ и машинъ производства или работъ.

V. Шведскій законъ

(Сводъ шведскихъ уголовныхъ законовъ).

Гл. 15. § 22 Кто противозаконно или злоупотребляя своимъ правомъ, посредствомъ насилія или угрозъ принудитъ другого къ какому либо дѣйствію, попустительству или бездѣйствію [Handlung Duldung oder Ueberlassung], тотъ наказуется заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на срокъ до двухъ лѣтъ, если его дѣяніе не подлежитъ, согласно симъ правиламъ, высшему наказанію.

§ 23. Кто устно или письменно будетъ угрожать другому тѣлеснымъ поврежденіемъ или другимъ наказуемымъ поступкомъ, притомъ при обстоятельствахъ, заставляющихъ опасаться выполненія угрозы, тотъ наказуется денежнымъ штрафомъ или тюремнымъ заключеніемъ, срокомъ до 6 мѣс., если только сія угроза не подлежитъ особо ус-

тановленному наказанію.

§ 24. Поступокъ, наказуемый по § 22 только тогда преслѣдуется прокуроромъ, когда потерпѣвшій объ этомъ заявляетъ [der Verletzte dies beantragt], или когда сей поступокъ заставилъ кого либо принять участіе въ пріостановкѣ или возобновленіи работъ, или же воспрепятствовалъ кому либо въ принятіи предложенной работы.

Поступокъ, наказуемый по § 23 можетъ преслѣдоваться лишь по частной жалобѣ угрожаемаго (потерпѣвшаго) (der Verletzte).

VI. Швейцарскій законъ.

1. Изъ свода уголовныхъ постановленій кантона Золотурна.

§ 127. Кто противозаконно или превышая предѣлы своихъ правъ тѣлеснымъ насиліемъ или угрозой, принудитъ кого либо къ какому нибудь дѣйствію, попустительству или бездѣйствію [Handlung и т. д.], и если сей поступокъ не подлежитъ болѣе тяжкому наказанію, наказуется тюремнымъ заключеніемъ или денежной пеней до 500 франковъ.

§ 64. Тюремнымъ заключеніемъ или денежной пеней до 500 франковъ наказуется: ... 2) тотъ, кто насиліемъ или угрозой домогается принудить кого либо изъ гражданъ употребить съ опредѣленной цѣлью [auszuüben] принадлежащія тому политическія права, или изъ за осуществленнаго пользованія сими правами грозитъ тому наказаніемъ.

2. Изъ свода уголовнаго постановленія кантона Цюрихъ.

§ 148. Кто, не имѣя права или превышая предѣлы своихъ правъ, тѣлеснымъ насиліемъ или угрозой, принудитъ кого либо къ дѣйствію, попустительству или бездѣйствію, и если его поступокъ не подлежитъ другому наказанію,

тотъ за таковое принужденіе наказуется тюремнымъ заключеніемъ совмѣстно [verbunden] съ денежной пеней до 2000 франковъ, или же только одной послѣдней.

VII. Проектъ германскаго закона.

§ 1. Кто путемъ насилія, угрозы, оскорбленія чести или объявленія безчестнымъ побуждаетъ работодателей или рабочихъ къ участію въ союзахъ или соглашеніяхъ —тотъ подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время до 1 года. При уменьшающихъ вину обстоятельствахъ налагается денежное взысканіе въ размѣрѣ до 1000 марокъ.

§ 2 Означенныя въ § 1 карательныя мѣры примѣняются равнымъ образомъ къ тому, кто путемъ насилія, угрозы, оскорбленія чести или объявленія безчестнымъ:

a. съ цѣлью осуществленія или поощренія соглашенія работодателей о непринятіи рабочихъ [Arbeiterau sperrung], побуждаетъ работодателей къ увольненію рабочихъ или же препятствуетъ найму или приглашенію рабочихъ со стороны работодателей.

b. съ цѣлью осуществленія или поощренія стачки рабочихъ, побуждаетъ работодателей къ прекращенію работъ или же препятствуетъ имъ въ принятіи или пріисканіи работы;

c. при соглашеніи работодателей о непринятіи рабочихъ или при стачкѣ рабочихъ, удерживаетъ работодателей или рабочихъ отъ уступокъ по отношенію къ предъявляемымъ въ такихъ случаяхъ требованіямъ.

§ 3. Кто профессіонально занимается означенными въ §§ 1 и 2 дѣяніями, тотъ подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время не менѣе 3 мѣсяцевъ.

§ 4. Равнымъ, по смыслу §§ 1-3 настоящаго закона, насилію считается: систематическій надзоръ за работодателями, рабочими, мѣстами, въ коихъ производится работа, за дорогами, улицами, площадями, вокзалами, гаванями, водными и прочими путями сообщенія. Не считается объявленіемъ безчестнымъ или угрозою по смыслу §§ 1-3 насто-

ящаго закона, если кто либо совершаетъ дѣяніе, на которое онъ имѣетъ право, въ особенности если кто либо, основываясь на своемъ правѣ, отклоняетъ, прекращаетъ или расторгаетъ условіе по найму на работу и продлжаетъ забастовку [Arbeitseinstellung] или соглашеніе о непріятія рабочихъ [Arbeiteraussperrung], или если онъ указываетъ на возможность такого рода дѣйствій.

§ 5. Если по отношенію къ лицамъ, которыя не принимаютъ или не принимали вовсе или лишь непродолжительное время участіе въ соглашеніи о непринятіи рабочихъ или въ стачкѣ, совершается, въ виду сего непринятія участія, оскорбленіе дѣйствіемъ, преднамѣренное тѣлесное поврежденіе или преднамѣренная порча имущества, то для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности не требуется особаго заявленія [Antrag].

§ 6. Кто такимъ лицамъ, которыя въ стачкѣ рабочихъ или въ соглашеніи о непринятіи рабочихъ не принимаютъ и не принимали вовсе или лишь въ теченіи непродолжительнаго времени участія, наносятъ въ виду сего непринятія участія угрозы или объявляетъ ихъ безчестными— тотъ подвергается заключенію въ тюрьму на время до 1 г.

При уменьшающихъ вину обстоятельствахъ налагается денежное взысканіе въ размѣрѣ до 1000 марокъ.

§ 7. Кто принимаетъ участіе въ публичномъ сборищѣ, на которомъ совершаются общими силами означенныя въ §§ 1-6 настоящаго закона дѣянія,—тотъ подвергается заключенію въ тюрьмѣ.

Зачинщики подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время не менѣе 3 мѣсяцевъ.

§ 8. Если въ означенныхъ въ §§ 1, 2, 4 настоящаго закона случаяхъ имѣется намѣреніе къ организаціи стачки рабочихъ или соглашенія работодателей о непринятіи рабочихъ, или къ поощренію стачки рабочихъ или подобному соглашенію, и если стачки или соглашенія въ зависимости отъ рода или назначенія предпріятія могутъ угрожать безопасности имперіи или одного изъ союзныхъ государствъ, или могутъ имѣть послѣдствіемъ общую

опасность для человѣческой жизни или имущества, то виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время не менѣе 1 мѣсяца, зачинщики же—заключенію въ тюрьмѣ на время не менѣе 6 мѣсяцевъ. Если вслѣдствіе стачки рабочихъ или соглашенія о непринятіи рабочихъ, наступаетъ опасность для имперіи или одного изъ союзныхъ государствъ, или общая опасность для человѣческихъ жизней или имущества,—то виновные подвергаются заключенію въ исправительномъ домѣ на время до 3 лѣтъ, зачинщики же—заключенію въ исправительномъ домѣ на время до 5 лѣтъ. При уменьшающихъ вину обстоятельствахъ въ указанныхъ двухъ случаяхъ, виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на время не менѣе 6 мѣс., зачинщики же заключенію въ тюрьмѣ на время не менѣе 1 года.

§ 9. Установленныя настоящимъ закономъ карательныя мѣры за совершенныя противъ работодателя дѣйствія примѣняются въ томъ случаѣ, если эти дѣйствія направлены противъ замѣстителя работодателя.

§ 10 Постановленія настоящаго закона примѣняются:

a. къ означеннымъ въ § 152 Устава о промышленности соглашеніямъ по найму на работу или въ услуженіе;

b. къ соглашеніямъ по найму на работу или въ услуженіе въ тѣхъ имперскихъ, государственныхъ или общественныхъ предпріятіяхъ, которыя имѣютъ цѣлью защиту отечества, общественную безопасность, общественныя сношенія или общественную гигіену.

c. ко всѣмъ соглашеніямъ по найму на работу или въ услуженіе въ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ.

§ 11. § 153 промышленнаго устава отмѣняется.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Въ 1901 году изъ 120 бывшихъ забастовокъ наибольшее количество приходится на губерніи: Виленскую—30, Могилевскую—13, С. Петербургскую—12 и Московскую—10. По 6 забастовокъ приходится на губерніи Полтавскую и Херсонскую, по 4 на Гродненскую, Калишскую и Пермскую и отъ 1 до 3 на остальныя губерніи.

Количество забастовокъ въ первыхъ двухъ губерніяхъ объясняется бывшими тамъ одновременными забастовками на мелкихъ кожевенныхъ заведеніяхъ (23) Виленской губерніи и кафельно-изразцовыхъ (12) Могилевской губ.

Изъ общаго числа 24.668 забастовщиковъ и 99.548 потерянныхъ рабочихъ дней наибольшее количество тѣхъ и другихъ приходилось на С. Петербургскую губернію—14.300 забастовщиковъ и 41.996 потерянныхъ рабочихъ дней, благодаря бывшимъ въ названной губерніи забастовкамъ преимущественно на крупныхъ заводахъ съ большимъ количествомъ рабочихъ.

Далѣе по числу забастовщиковъ слѣдуетъ Владимірская губ., гдѣ имѣли мѣсто всего только 3 забастовки, но съ 2.224 забастовщиками; по числу же потерянныхъ рабочихъ дней—Виленская, гдѣ благодаря значительной продолжительности массовой забастовки кожевенныхъ заводовъ число потерянныхъ рабочихъ дней достигаетъ 17.583. Изъ остальныхъ губерній выдѣляются Минская, Могилевская, Московская, Рязанская и Херсонская, съ числомъ забастовщиковъ свыше 500 и числомъ потерянныхъ рабочихъ дней свыше 1500.

При распредѣленіи забастовокъ по производствамъ первое мѣсто, по числу забастовщиковъ и потерянныхъ рабочихъ дней, принадлежитъ заводамъ по обработкѣ металловъ (19 заводовъ, 13.168 забастовщиковъ и 40.370 потерянныхъ рабочихъ дней); второе мѣсто—заводамъ по обработкѣ хлопка (16 заводовъ, 5.785 забастовщиковъ, 18.467 потерянныхъ раб. дней). Число же забастовокъ, благодаря упомянутымъ выше массовымъ затастовкамъ кожевенныхъ и кафельно-изразцовыхъ заводовъ, всего больше на заводахъ обработки животныхъ продуктовъ (33) и минеральныхъ веществъ (18).

При распредѣленіи забастовокъ по причинамъ первое мѣсто занимаетъ требованіе сокращенія рабочаго времени (39 забастовокъ, 10.334 забастовщиковъ и 44.668 потерянныхъ рабочихъ дней). Изъ числа этихъ 39 случаевъ 29 приходится на бывшія въ іюнѣ и октябрѣ мѣсяцахъ массовыя забастовки кожевенныхъ заводовъ Виленской губ., и 8 на бывшія въ маѣ мѣсяцѣ и носившія также массовой характеръ забастовки металлическихъ и бумагопрядильныхъ и ткацкихъ заводовъ Петербургской губ. Результатомъ большинства означенныхъ забастовокъ были обоюдныя уступки сторонъ и возобновленіе работы съ прежнимъ составомъ рабочихъ; только въ одномъ случаѣ имѣлъ мѣсто общій разсчетъ всѣхъ забастовавшихъ рабочихъ; въ 4 случаяхъ была полная уступка требованіямъ рабочихъ; въ 11 случаяхъ никакихъ уступокъ рабочимъ сдѣлано не было.

Кромѣ сего, изъ-за рабочаго времени были еще 3 незначительныя забастовки: одна изъ-за желанія администраціи увеличить рабочее время и двѣ изъ-за общаго недовольства распредѣленіемъ рабочаго времени.

Второе мѣсто среди причинъ, вызвавшихъ забастовки, принадлежитъ заработной платѣ. Въ 23 случаяхъ забастовки произошли изъ-за требованія повышенія платы, въ 4—изъ-за сокращенія ея фабричной инспекціею, въ 8—изъ-за несвоевременной расплаты и въ 2—изъ-за вычетовъ за прогулы и штрафованія рабочихъ. Въ 23 случа-

яхъ забастовки изъ-за требованія повышенія заработной платы съ общимъ числомъ забастовщиковъ 2.514 и потеряли рабочихъ дней 8,748, имѣли мѣсто въ 12 губерніяхъ и въ 8 различныхъ производствахъ, не составляя, такимъ образомъ, спеціальной особенности какой либо губгрніи или какого либо производства. Причинами, вызвавшими такое требованіе являлись: 1) выясненіе невыгодности заключеннаго съ фабрикантами условія, 2) болѣе высокая цѣна на сосѣднихъ аналогичныхъ фабрикахъ и заводахъ, 3) существованіе на той же фабрикѣ, при болѣе тяжелыхъ условіяхъ сбыта, болѣе высокихъ цѣнъ, 4) убѣжденіе въ сусуществованіи профессіональнаго риска въ данномъ производствѣ и, наконецъ, иногда постороннія вліянія, какъ рабочихъ другихъ фабрикъ, такъ и соціалистическихъ партій. Результатомъ означенныхъ забастовокъ были какъ уступки со стороны рабочихъ, такъ и со стороны фабричной администраціи, а въ немногихъ случаяхъ частичный или общій разсчетъ забастовавшихъ рабочихъ.

Въ 4 случаяхъ забастовки произошли изъ-за сокращенія заработной платы, съ 443 забастовщиками и съ 2.063 потерянными рабочими днями; они имѣли мѣсто въ разныхъ губерніяхъ и различныхъ производствахъ, причемъ уменьшеніе заработной платы вызвано было: 1) плохими дѣлами завода; 2) переходомъ съ лѣтнихъ расцѣнокъ на зимнія. Результатомъ ихъ явились, въ 3 случаяхъ, уступки со стороны рабочихъ, и въ одномъ, со стороны фабричной администраціи.

Въ 8 случаяхъ забастовки изъ-за несвоевременной расплаты, съ 681 забастовщикомъ и 2.746 потерянными рабочими днями, имѣли мѣсто въ 7 разныхъ губерніяхъ и въ разныхъ производствахъ почти исключительно на мелкихъ фабрикахъ (въ 3 заведеніяхъ число рабочихъ было около 60). Результатомъ ихъ, кромѣ одного случая временнаго закрытія фабрики и общаго разсчета рабочихъ, была уступка рабочимъ со стороны фабричной администраціи.

Двѣ забастовки изъ-за вычетовъ за прогулы и штрафованія имѣли мѣсто на небольшихъ заводахъ обработки

металлическихъ веществъ. Въ 21 случаѣ забастовки, съ 982 забастовщиками и 7.166 потерянными рабочими днями, произошли, изъ-за недовольства постановкой работы, вліяющей на уменьшеніе заработка рабочихъ, въ 8 губерніяхъ на 8 различныхъ производствахъ, причемъ на 12 кафельно-изразцовыхъ заводахъ гродненской губ. имѣли массовый характеръ. Результатами, въ большинствѣ случаевъ (16), были уступки со стороны администраціи, въ 2 случаяхъ была обоюдная уступка сторонъ и только 3 случая закончились уступкой со стороны рабочихъ.

Другія изъ указанныхъ въ таблицѣ причинъ забастовокъ обнимали отъ 1-3 заводовъ и имѣли мѣсто въ различныхъ губ. и различныхъ производствахъ.

Изъ немногихъ параллельныхъ данныхъ объ убыточности забастовки для владѣльцевъ фабрикъ и рабочихъ можно предполагать, что таковыя не должны представлять особой разницы; такъ, на одномъ заводѣ при потерѣ 2.505 раб.-дней убытокъ владѣльца исчисленъ въ 1.400 .руб, убытокъ рабочихъ въ 1.002 руб.; на другомъ, при потерѣ 1.814 раб. дней убытокъ владѣльца 300 руб., рабочихъ 597 р. и на одномъ заводѣ при 5.768 потер. раб. дняхъ убытокъ владѣльца 7.000, рабочихъ 3.600 руб. Изъ сравненія числа забастовщиковъ съ общимъ числомъ рабочихъ на данной фабрикѣ видно, что независимо отъ причинъ забастовокъ процентъ забастовавшихъ особенно высокъ въ случаяхъ массовыхъ забастовокъ и доходитъ до 100 процентовъ (майскія забастовки въ С. Петербургѣ, іюньскія въ Виленской губерніи).

При распредѣленіи забастовокъ 1901 г. по мѣсяцамъ особо выдѣляются май и октябрь; въ маѣ имѣли мѣсто 20 забастовокъ, 9.952 забастовщиковъ и 29.405 потерянныхъ раб. дней; въ октябрѣ 29 забастовокъ, 1.048 забастовщиковъ и 16.389 потерянныхъ рабочихъ дней. Наиболѣе спокойными въ смыслѣ забастовокъ являются февраль, мартъ, ноябрь и декабрь.

* * *

ТАБЛИЦА I.

ПРОИЗВОДСТВА	Число забастовокъ	Число забастовщиковъ	Число потер. раб. дней
Обработка металловъ	19	13,168	40,370
„ минер. веществъ	18	766	7,876
„ пищев. продуктовъ	15	1,360	5,289
„ дерева	4	439	456
„ живот. продуктовъ	33	1,175	17,813
Химическое производство	5	1,269	7,020
Обработка хлопка			
Пенькотрепальное производство	2	92	276
Прядильное производство	5	1,163	1,862
Прядильно-ткацкое	2	366	439
Ткацкое	7	4,164	15,890
Обработка льна			
Прядильно-ткацкое производ.	2	41	23
Обработк шелка			
Прядильно-ткацкое производ.	1	110	220
Обработка шерсти			
Прядильно-ткацкое производ.	2	387	807
Обработка шерсти и хлопка			
Ткацкое производство	3	120	935
Мастер. искусств. цвѣтовъ	1	28	112
Мастерск. дамск. платьевъ	1	20	190
Итого	120	24,668	99,548

ТАБЛИЦА II.

% отношеніе числа забастовокъ. забастовщиковъ и числа потерянныхъ рабочихъ дней за 1901 года по мѣсяцамъ.

МѢСЯЦЫ	Число забастовокъ	Число забастовщиковъ	Число потер. раб. дней
Январь	2,5	0,6	0,2
Февраль	—	—	—
Мартъ	4,2	0,5	0,1
Апрѣль	7,5	8,5	7,5
Май	16,7	40,4	29,5
Іюнь	10	27,7	20,7
Іюль	10	4,7	5,6
Августъ	15	5,1	11,2
Сентябрь	4,2	4	5,6
Октябрь	23,3	4,2	6,3
Ноябрь	2,5	1,2	2,5
Декабрь	4,2	3,1	8,0

ПРИЧИНЫ ЗАБАСТОВОКЪ	Число забастовокъ	Число забастовщиковъ	Число пот. раб. дней	Число рабоч. на фабрик.	РЕЗУЛЬТАТЫ: уступки фаб. адм.	уступки рабочихъ	обоюдн. уступки	разсч. части з. бас.	разсч. вс. з. бастов.	% отн. къ общ. чис. забастов.
Заработная плата										
Требов. повышенія зараб. платы	23	2.544	8.748	10.211	8	10		4	1	12,1
Сокращеніе зараб. платы	4	443	2.036	963	1	3				3,3
Несвоевременная расплата	8	681	2.746	1.134	7				1	6,6
Вычеты за прогулы и штрафы рабочихъ	2	367	282	419	1	1				1,7
Рабочее время										
Требов. сокращ. раб. времени	39	10.334	44.648	13.151	4	11	23		1	32,5
Увеличеніе рабоч. времени	1	60	30	100		1				0,8
Недовольство распред. рабочаго времени	2	89	104	218		1		1		1,7
Работа										
Недовольство постановк. работъ, вліяніе на уменьшеніе заработ. платы	21	982	8.166	3.124	16	3	2			17,5
Недовольство распоряженіями фабричной администраціи										
Требованіе объ увольненіи представит. фабрич. администраціи	1	5.008	15.024	5.008						0,8
Требов. объ увольненіи рабочихъ	1	11	11							0,8
Увольненіе рабочихъ	3	499	5.170	590		1		1		2,5
Недовольство харчами	1	8	14	31		1				0,8
Недовольство правилами внутр. распорядка, касающ. работъ и нерабочаго времени	2	481	897	2.897		1	1			1,7
Смѣшанныя причины										
Требов. повыш. зараб. платы и недовольство администраціей	2	235	714	436		1				1,7
Требов. повышен. заработ. платы и несвоевр. расплаты	1	28	112	30	1					0,8
Сокращ. заработ. платы и недовольст. распредѣл. рабочаго времени	2	823	2.934	1.944			1	1		1,7
Сокращ. заработ. платы и недовольст. фабричн. администр.	1	1.442	5.768	1.774		1				0,8
Несвоевр. расплата и недовольство администраціей.	2	352	1.932	325			1			0,8
Невошедшія въ предыдущій перечень.	5	321	212	2.310		3		2		4,2
ИТОГО	120	24.668	99.548	44.665	38	38	28	9	6	

ТАБЛИЦА IV.

ГУБЕРНІИ	Число забастовокъ	Число забастовщиковъ	Число потер. рабоч. дней	Число рабоч. на фабрикѣ
Бакинская	2	106	399	272
Варшавская	2	459	969	635
Виленская	30	1.118	17.583	1.193
Витебская	2	161	630	214
Владимирская	3	2.222	10.087	2.850
Воронежская	1	60	12	63
Вятская	1	25	6	400
Гродненская	4	168	904	443
Калишская	4	155	935	300
Кіевская	1	249	583	671
Костромская	1	144	216	1.140
Курляндская	1	248	289	680
Кѣлецкая	1	52	35	127
Минская	3	834	4.250	1.399
Могилевская	13	792	10.024	803
Московская	10	1.008	1591	9.160
Нижегородская	2	147	153	191
Пензенская	1	40	120	60
Пермская	4	73	103	614
Полтавская	6	155	184	851
Рязанская	2	601	4.025	604
Саратовская	2	176	108	620
Смоленская	1	37	111	48
Петербургская	12	14300	41996	17121
Тамбовская	1	180	450	377
Тверская	1	87	15	1576
Тульская	1	288	720	389
Харьковская	1	39	20	39
Херсонская	6	692	2.874	1703
Черниговская	1	52	156	52
ИТОГО	120	42668	99548	44665

Новая побѣда русскихъ рабочихъ.

Л. МАРТОВА.

НОВАЯ ПОБѢДА РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Печатаемый нами секретный документъ представляетъ записку Министерства Финансовъ въ защиту тѣхъ измѣненій въ русскихъ законахъ о стачкахъ, которыя желаетъ ввести министръ Витте. Будутъ ли эти измѣненія одобрены правительствомъ или нѣтъ, будутъ ли отмѣнены дѣствующіе законы о стачкахъ или все останется по старому, — во всякомъ случаѣ эта записка служитъ свидѣтельствомъ **новой побѣды** русскихъ рабочихъ надъ капиталистами и правительствомъ.

Болѣе полувѣка тому назадъ, въ 1845 году, правительство Николая I издало законъ о наказаніяхъ за стачки. Въ 1886 году эти наказанія были усилены и введено наказаніе (до 1 мѣсяца ареста) за нарушеніе отдѣльнымъ рабочимъ договора съ хозяиномъ. Циркуляръ 12 августа 1897 г. бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ предписывалъ всѣ дѣла о стачкахъ рѣшать **безъ суда** — въ порядкѣ положенія объ охранѣ, какъ дѣла **политическія**. Тысячи русскихъ рабочихъ подверглись за устройство стачекъ противъ фабрикантовъ самымъ возмутительнымъ преслѣдованіямъ, заключались въ тюрьмы, ссылались въ Сибирь и отдаленныя губерніи Европейской Россіи. И вотъ теперь правительство устами министра Витте заявляетъ, что эти преслѣдованія рабочихъ за стачки не имѣютъ смысла, что эти преслѣдованія **несправедливы**. Говоря это, правительство признается, что оно въ теченіе болѣе полувѣка проводило политику несправедливости по отношенію къ милліонамъ рабочаго класса. Сколько жертвъ унесла эта политика несправедливости, сколько разбитыхъ жизней она стоила рабочему классу — кто вычислитъ это? Кто вычислитъ, какой вредъ принесла эта политика экономическому благосостоянію милліоновъ рабочихъ, которые такъ часто не могли добиться увеличенія заработка на полтинникъ, благодаря вмѣшательству властей, вооруженныхъ тѣми законами, которые теперь правительство признаетъ несправедливыми? И какое право имѣетъ шайка чиновниковъ навязывать народу придуманные ею самой законы и наказывать за неисполненіе этихъ законовъ, если послѣ 50 лѣтняго опыта ей самой приходится признать, что законы были несправедливы?

Разумѣется, не по доброй волѣ и не по просвѣтлѣнію свыше наши министры готовы признать несправедливость дѣйствующихъ нынѣ законовъ. Вынужденные обстоятельствами, они должны дать эту пощечину себѣ самимъ и тому самодержавію, которому она служитъ. А эти обстоятельства, противъ которыхъ безсильны царскіе министры, созданы **ростомъ и развитіемъ нашего рабочаго движенія.** Вотъ почему появленіе записки Витте и означаетъ новую побѣду русскаго рабочаго класса.

I. ЧТО СДѢЛАЛА ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Законы самодержавнаго правительства всегда были враждебны рабочему классу. Когда онъ подымался противъ своихъ угнетателей — фабрикантовъ, царское правительство, отвѣчая на его экономическія требованія пулями, штыками и нагайками, спѣшило издавать новые законы и циркуляры въ цѣляхъ устрашенія рабочихъ. Но временами правительство отступало отъ общаго своего правила и выбрасывало рабочимъ ту или другую подачку въ видѣ какого — нибудь закона, ограничивающаго произволъ капиталистовъ.

Такъ, въ 1882 году и послѣдующихъ годахъ были изданы законы объ ограниченіи труда малолѣтнихъ и впервые учреждены фабричные инспектора.

Эти первые законы въ пользу рабочихъ были изданы въ виду первыхъ проявленій **революціоннаго политическаго** движенія въ русскомъ рабочемъ классѣ. Въ 1878 году происходили крупныя стачки на Петербургскихъ фабрикахъ. Такія стачки случались неоднократно и раньше, но на нихъ власти отвѣчали одними преслѣдованіями. Теперь же въ стачкахъ проявилось нѣчто новое проявилось участіе въ нихъ тогдашнихъ русскихъ соціалистовъ (партіи „Земли и Воли“). Оказалось, что среди рабочихъ есть уже сознательные соціалисты и что рабочая масса во время стачекъ слѣдуетъ за этими сознательными товарищами. Вскорѣ, въ концѣ того же 1878 года, сознательные петербургскіе рабочіе подъ руководствомъ столяра Степана Халтурина и другихъ, основали „Сѣверно-русскій рабочій Союзъ“ и опубликовали свою программу, въ которой заявляли, что будутъ бороться противъ самодержавія за **политическую свободу.** Въ слѣдующемъ году въ Одессѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ образовался „Южно-русскій рабочій Союзъ“. Въ началѣ 1881 года буржуазный журналъ „Русская Рѣчь“ заявилъ: до сихъ поръ думали, что въ Россіи не

существуетъ рабочаго вопроса, но волненія послѣднихъ лѣтъ и появленіе въ политическихъ процессахъ такихъ личностей, какъ Прѣсняковъ, Окладскій и Тихоновъ,*) показываютъ, что Россія въ этомъ отношеніи мало отличается отъ другихъ странъ.

Пока рабочіе молча сносили эксплуатацію и лишь изрѣдка поднимались **противъ капиталистовъ**, до тѣхъ поръ для русскаго правительства не существовало „рабочаго вопроса“, до тѣхъ поръ на фабрикахъ „все обстояло благополучно“. Но какъ только рабочіе стали **сближаться съ соціалистами**, какъ только хотя бы немногіе изъ нихъ стали выставлять **политическія требованія**, такъ сейчасъ же правительство „замѣтило“, что рабочій вопросъ у насъ есть, и додумалось до того, что рабочимъ надо „что-нибудь“ дать чтобы они „успокоились“ и перестали сочувствовать соціалистамъ. Такъ возникли первые фабричные законы 1882 года.

Прошло нѣсколько лѣтъ и правительство издало извѣстный законъ 3-го іюня 1886 года, который ограничивалъ штрафы, налагаемые фабрикантами, вводилъ разсчетныя книжки, запрещалъ расплату товарами. Всѣ эти постановленія были списаны министрами съ тѣхъ самыхъ требованій, которыя были предъявлены въ 1885 году владимірскому губернатору ткачами Орѣхова-Зуева, устроившими громадную стачку. Что же побудило правительство на этотъ разъ обратить вниманіе на недовольство орѣховскихъ ткачей? А то, что во главѣ стачки стояли **рабочіе-соціалисты** — Волковъ, Моисеенко и Ивановъ и что, благодаря ихъ руководству, стачка приняла организованный характеръ. О томъ, что правительство больше всего испугалось именно связи стачечниковъ съ соціалистами, свидѣтельствуетъ слѣдующее заявленіе въ отчетѣ Государственнаго Совѣта за 1886 годъ: „Постепенно накопляющееся въ классѣ фабричныхъ рабочихъ недовольство дѣлаетъ его благопріятной, воспріимчивой почвой для преступныхъ ученій, стремящихся къ уничтоженію государственнаго и общественнаго строя. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что представители противоправительственной пропаганды сосредоточиваютъ въ послѣднее время свое вниманіе на фабричномъ населеніи и нерѣдко скрываются въ его рядахъ... Въ виду этого и въ заботѣ о возможномъ устраненіи фабричныхъ стачекъ и безпорядковъ, Министерство

*) Прѣсняковъ, Тихоновъ и Окладскій были членами „Народной Воли“ и осуждены въ 1880 году за участіе въ покушеніяхъ на убійство Александра II. Прѣсняковъ былъ повѣшенъ, Тихоновъ умеръ на каторгѣ, Окладскій, осужденный на каторгу, сталъ предателемъ и получилъ прощеніе.

Внутреннихъ Дѣлъ признало необходимымъ безъ дальнѣйшаго промедленія приступить къ пересмотру существующихъ постановленій Устава о Промышленности въ смыслѣ урегулированія взаимныхъ отношеній между фабрикантами и рабочими". Такимъ образомъ, новый законъ, ограничивающій произволъ капиталистовъ, изданъ, какъ признало само правительство, подъ вліяніемъ страха передъ рабочими, которые показали себя „воспріимчивыми" къ соціалистической пропагандѣ. Правительство замѣтило, что послѣ неудачъ начала 80-хъ гг. соціалисты - интеллигенты стали „сосредоточивать свое вниманіе преимущественно на фабричномъ населеніи". Дѣйствительно, въ 1883 году появилась заграницей первая русская соціаль-демократическая группа (Группа Освобожденія Труда), призывавшая товарищей обратить главное свое вниманіе на фабричныхъ рабочихъ и вести среди нихъ пропаганду и агитацію, а въ 1885 году въ Петербургѣ вышли въ тайной типографіи 2 №№ газеты „Рабочій" (газеты русскихъ соціаль демократовъ), издававшейся первымъ въ Россіи соціаль-демократическимъ кружкомъ *). При первыхъ признакахъ новаго сближенія рабочаго класса съ соціалистами правительство снова выкинуло рабочимъ кость — небольшія экономическія улучшенія.

Стачечное движеніе продолжало развиваться и послѣ Орѣховской стачки, но революціонная пропаганда все слабѣла, и потому о рабочемъ вопросѣ все меньше думали въ правительственныхъ кругахъ и вплоть до 1896 года фабричное законодательство въ Россіи не развивалось. Только законъ 3-го іюня 1886 года постепенно распространялся на новыя и новыя мѣстности подъ вліяніемъ роста стачечнаго движенія.

Подготовленная соціаль-демократическимъ „Союзомъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса", стачка петербургскихъ ткачей лѣтомъ 1896 года снова заставила правительство подумать о рабочихъ. Страшна была сама по себѣ организованная стачка 30 тысячъ рабочихъ; но еще страшнѣе было довѣріе, съ какимъ эти рабочіе относились къ соціаль-демократамъ, и сочувствіе, съ какимъ они слушали призывъ къ борьбѣ съ правительствомъ. Снова правительство забило тревогу: оно созвало коммиссію изъ чиновниковъ и фабрикантовъ для выработки закона

*) Главные дѣятели его — Теселкинъ, Харитоновъ сосланы въ Сибирь, болгаринъ Благоевъ (теперь членъ болгарской соціаль-демократической партіи) изгнанъ изъ Россіи; Бутковъ повѣсился въ Домѣ предварительнаго заключенія.

о сокращеніи рабочаго дня. Въ этой коммиссіи представитель департамента полиціи Щегловитовъ говорилъ такъ: „Если рабочіе убѣдятся, что правительство, издавъ законъ, достигло благопріятныхъ условій для рабочихъ, то они будутъ смотрѣть на него, какъ на своего защитника и покровителя, а если такого впечатлѣнія новый законъ имѣть не будетъ, то рабочіе будутъ болѣе склонны къ противоправительственнымъ внушеніямъ". Онъ же сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Рабочій вопросъ... дѣлается все болѣе серьезнымъ и даже жгучимъ; при этомъ правительство, съ своей стороны, можетъ заботиться только о томъ, чтобы и фабричные рабочіе видѣли въ немъ постояннаго защитника, справедливаго и милосерднаго покровителя, котораго видитъ въ немъ наше сельское населеніе."

Изъ этихъ словъ ясно слѣдуетъ, что правительство, издавая законъ 2-го іюня объ $11^1/_2$ часовомъ рабочемъ днѣ, преслѣдовало политическую цѣль: отвлечь рабочихъ отъ революціонной политической борьбы, къ которой ихъ призывали соціаль-демократическія рабочія организаціи, и привлечь ихъ къ себѣ. Оно бросало рабочимъ новую кость, чтобы удержать ихъ отъ политической борьбы, отъ борьбы за свободу. И оно это дѣлало потому, что видѣло, какъ охотно рабочіе идутъ на встрѣчу политической пропагандѣ.

Послѣ закона 2-го іюня 1897 года не было издано никакихъ существенныхъ законовъ. А между тѣмъ, рабочее движеніе во всѣ послѣдующіе годы все росло. Но, развиваясь въ ширину, наше рабочее движеніе въ эти годы приняло преимущественно экономическій характеръ. Устраивались стачки, велась агитація за увеличеніе платы и устраненіе всякихъ хозяйскихъ прижимокъ, но политическое теченіе развивалось слишкомъ слабо. И наше правительство стало привыкать къ стачкамъ, привыкать къ листкамъ, которые выпускаются во время стачекъ и которые зовутъ къ борьбѣ за экономическія улучшенія. Преслѣдуя соціалистовъ за изданіе такихъ листковъ, расправляясь со стачечниками всѣми судебными и полицейскими средствами, правительство иной разъ совѣтовало, а то и приказывало фабриканту сдѣлать рабочимъ уступку, но оно нисколько не задумывалось о томъ, чтобы изданіемъ новаго закона улучшить положеніе всѣхъ рабочихъ, какъ класса, о томъ, чтобы сдѣлать новую уступку всему рабочему классу.

Но все пошло по иному, какъ только рабочіе — на этотъ разъ громадной массой — вышли на путь политической борьбы, борьбы

за свободу. Какъ только въ Литвѣ и Польшѣ еврейскіе рабочіе стали устраивать политическія демонстраціи и заявлять открыто о намѣреніи бороться съ самодержавіемъ, тотчасъ же Зубатовъ и его присные стали предлагать еврейскимъ рабочимъ экономическія уступки, обѣщая разрѣшить стачки и союзы для экономической борьбы. И какъ только московскіе рабочіе въ февралѣ 1901 года тысячами вышли на улицы, чтобы поддержать студентовъ въ ихъ протестѣ противъ полицейскаго самодержавія, сейчасъ же Зубатовъ сталъ обѣщать московскимъ рабочимъ „экономическія“ улучшенія.

Еще годъ политическихъ демонстрацій, устраиваемыхъ рабочими — и самъ г-нъ Витте, этотъ покровитель русскихъ фабрикантовъ, предлагаетъ правительству дозволить рабочимъ устраивать стачки для улучшенія ихъ экономическаго положенія. И въ своей запискѣ Витте прямо говоритъ, что наказаніе за стачки надо отмѣнить потому, что иначе рабочіе озлобляются противъ правительства за его несправедливость къ рабочему классу. А озлобившись на правительство, рабочіе переходятъ къ прямой борьбѣ за политическую свободу, которая ихъ избавитъ отъ всѣхъ стѣсненій, запрещеній, преслѣдованій нынѣшняго самодержавнаго строя.

Полутора лѣтъ политической борьбы путемъ демонстрацій было достаточно, чтобы правительство начало думать объ отмѣнѣ тѣхъ законовъ противъ стачекъ, за которые оно упорно держалось во все время, пока рабочіе вели одну только экономическую борьбу.

2. КАКЪ ЗУБАТОВЪ СПОСОБСТВОВАЛЪ ПРОСІЯНІЮ УМА г. ВИТТЕ.

Г-нъ Витте еще очень недавно предписывалъ фабричный инспекціи внушать рабочимъ, что стачки не могутъ принести имъ какихъ либо улучшеній. Въ настоящее время онъ доказываетъ правительству, что стачки иногда бываютъ необходимы рабочимъ и что мѣшать рабочимъ пользоваться стачками значитъ мѣшать имъ улучшать свое положеніе. Г-нъ Витте еще недавно наставлялъ фабричныхъ инспекторовъ помнить, что въ Россіи не существуетъ того рабочаго вопроса, который создаетъ въ другихъ странахъ стачки иныя проявленія рабочаго движенія; онъ писалъ въ своихъ циркулярахъ, что у насъ отношенія между хозяевами и рабочими „патріархальныя и что стачки вызываются людьми старающимися создать искуственную рознь между рабочими и хозяевами“. Теперь г-нъ Витте признаетъ, что рознь между рабочими и хозяевами существуетъ и въ Россіи и что стачки представляютъ естест-

венное явленіе въ капиталистическомъ обществѣ. Признавъ это, онъ уже легко дѣлаетъ тотъ выводъ, что несправедливо преслѣдовать рабочихъ за стачки.

Такъ рабочее движеніе заставляетъ самихъ русскихъ министровъ „понять“ кое-что такое, что раньше было недоступно ихъ чиновничьему уму. Но надо признать, что г. Витте, быть можетъ никогда не пришелъ бы „самъ собой“ ко всѣмъ этимъ мыслямъ, если бъ ему и его друзьямъ — фабрикантамъ не помогъ разобраться въ этихъ дѣлахъ г-нъ Зубатовъ, московской охраны начальникъ. Какъ человѣкъ, которому поручено спеціально дѣло борьбы съ соціалистами, Зубатовъ не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы удержать рабочихъ отъ „политики“. Чѣмъ болѣе русское правительство приходитъ въ смятеніе передъ ростомъ революціоннаго движенія, тѣмъ болѣе такіе безсовѣстные „охранители порядка“, какъ Зубатовъ, набираются смѣлости дѣйствовать, не справляясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ видами начальства. Въ борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ правительство развязало руки своимъ Зубатовымъ и они, не долго думая, посѣяли такую смуту, съ которой правительство не знаетъ, какъ справиться.

Начавъ заигрывать съ рабочими еще въ 1896 году, Зубатовъ послѣ того какъ москвичи въ теченіи 4-хъ дней въ февралѣ 1901 года воевали на улицахъ съ полиціей и казаками, приступилъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Онъ основалъ „общество взаимопомощи рабочихъ механическаго производства“, чтобы при его помощи забрать въ свои руки рабочія массы Москвы. Зубатовскіе агенты — Красивскій, Афанасьевъ, Слѣпцовъ и многіе другіе — стали проповѣдывать „чисто экономическую“ борьбу съ фабрикантами и политическій союзъ рабочихъ съ правительствомъ. Поддерживая правительство въ такія трудныя минуты, когда противъ него поднялась вся честная Россія, рабочіе въ награду за свою холопскую службу царю противъ студентовъ, противъ мужика, противъ всѣхъ ограбленныхъ и недовольныхъ, получатъ поддержку полиціи въ борьбѣ съ фабрикантами. На помощь себѣ Зубатовъ призвалъ ученыхъ изъ тѣхъ, что готовы торговать своей наукой — Озерова съ братіей. Пошли „бесѣды“ профессоровъ съ рабочими, въ которыхъ проводилась одна главная мысль: экономическая самопомощь и дружба съ правительствомъ дадутъ рабочимъ все, что имъ нужно.

Сначала съ помощью болтовни профессоровъ и мошенническихъ пріемовъ Зубатовскихъ агентовъ удавалось кормить рабо-

чихъ одними посулами и забавлять „бесѣдами“. Но не дремали и соціаль-демократы. Сознательные рабочіе разоблачали передъ своими обманутыми товарищами плутни зубатовцевъ, нелегальная литература клеймила ученыхъ прихвостней Зубатова и приглашала честныхъ людей отвернуться отъ нихъ. Благодаря этой агитаціи, студенты и вообще интеллигенція стали преслѣдовать Озерова съ братіей. Понемногу тѣ изъ профессоровъ, которые сами были обмануты на счетъ характера „рабочаго“ общества, отказались отъ участія въ немъ; а затѣмъ и тѣ, у кого рыльце было несомнѣнно въ пуху, не рѣшились бороться съ мнѣніемъ всѣхъ честныхъ людей. Вліяніе зубатовскихъ обществъ (механическаго и ткацкаго, основаннаго позже) стало явно падать. Еслибъ не полицейскія и военныя мѣры, то московскіе рабочіе пошли бы 9-го февраля выручать студентовъ изъ университета, гдѣ они выкинули красное знамя и были осаждены солдатами. Еслибъ не тѣ-же мѣры, то затѣянное Зубатовымъ возложеніе вѣнковъ отъ рабочихъ на памятникъ Александру II-му не обошлось бы безъ революціонныхъ демонстрацій. Боясь, чтобы рабочіе не ушли отъ нихъ окончательно, зубатовцы „поддали жару“ въ свою агитацію. Чтобы удержать рабочихъ отъ политики, они стали разжигать стачечную борьбу. Вспыхнулъ рядъ стачекъ — охранное отдѣленіе стало помогать стачечникамъ, приказывать фабрикантамъ идти на уступки, агитировать среди рабочихъ, чтобы они не уступали Такой измѣны не могли стерпѣть московскіе капиталисты. Они снарядили депутацію къ Витте съ жалобой на московскую полицію, они стали требовать, чтобы уняли Зубатова, они стали грозить правительству, что перестанутъ его поддерживать.

Фабриканты увидали, что полицейское вмѣшательство въ ихъ экомическую борьбу съ рабочими есть орудіе обоюдоострое. Хорошо, конечно, когда полиція можетъ заставить рабочихъ подчиниться фабриканту и работать по пониженной платѣ; но ежели на основаніи своего всемогущества полиція начинаетъ возбуждать рабочихъ противъ хозяевъ, когда ей надо отвлечь ихъ вниманіе отъ борьбы съ правительствомъ — тогда ужъ лучше пусть полиція вовсе не суется въ отношенія труда къ капиталу: и безъ полиціи, и безъ суда, и безъ солдатъ мы, капиталисты, имѣемъ достаточно средствъ бороться съ рабочими: сила нашего капитала, сила голода у насъ всегда останется, а поддержка полиціи намъ слишкомъ дорого обходится: изъ слуги она норовитъ превратить ся въ хозяина на фабрикѣ. Стало быть, долой полицію, дайте свободу нашей экономической борьбѣ съ рабочими! Пусть стачки

рабочихъ будутъ нашимъ и ихъ домашнимъ дѣломъ, до котораго государству нѣтъ никакой заботы и въ которое жандармамъ и полиціи нечего совать свой паскудный носъ! А ежели случится какой нибудь скандалъ, мы сами васъ позовемъ составить протоколъ!

Вотъ на какія мысли навела московскихъ капиталистовъ зубатовская политика. Эти помыслы выразилъ въ своей запискѣ г-нъ Витте, которому всероссійское купечество готовится нынче отпразновать 10-лѣтній юбилей его вѣрной службы всероссійскому капиталу (десятилѣтіе службы министромъ финансовъ.)

Взявшись доказать, что пора полиціи перестать совать свой носъ въ экономическую борьбу хозяевъ съ рабочими, Витте уже безъ труда сообразилъ, какъ несправедливы законы, наказывающіе рабочихъ тюрьмой за то, за что хозяева платятся только деньгами (отказъ отъ договора); онъ уже подыскалъ красивыя фразы о томъ, что государство должно позволить рабочимъ заботиться о лучшей жизни и т. д. Зубатовская измѣна фабрикантамъ сдѣлала его сторонникомъ „справедливости“ по отношенію къ рабочимъ. Чтобы доказать, что надо отнять у полиціи право „мирить“ (мирить угрозами) хозяевъ съ рабочими, онъ не постѣснялся заговорить, какъ апостолъ законности, какъ борецъ за равенство рабочихъ съ хозяевами.

Такъ, „зубатовскій соціализмъ“ помогъ просіянію ума г-на Витте.

Цѣпной песъ царскаго самодержавія — жандармерія, — чтобы разъединить рабочихъ и студентовъ, не постѣснялась натравить рабочихъ на фабрикантовъ и помочь имъ въ ихъ борьбѣ съ капиталомъ.

Господинъ капиталъ — устами своего посла при царскомъ дворѣ, г-на Витте, — чтобы отвратить рабочихъ отъ полиціи, не постѣснялся заявить, что вся политика правительства, запрещавшаго рабочимъ экономическую борьбу, была политикой вопіющей несправедливости къ рабочему люду. Господинъ капиталъ и его прикащикъ Витте, чтобы отомстить жандармамъ, не постѣснялись разоблачить передъ публикой классовой характеръ русскихъ законовъ о стачкахъ.

Когда два жулика между собой подерутся, говоритъ нѣмецкая пословица, то въ выигрышѣ остаются честные люди. Когда зубатовцы и московскіе капиталисты вцѣпились другъ другу въ волосы, московскимъ ткачамъ удалось получить кое какія уступ-

ки отъ хозяевъ. Какова бы ни была судьба проэкта Витте, русскій рабочій классъ выиграетъ уже то, что получитъ незамѣнимое агитаціонное орудіе въ своей борьбѣ — записку, въ которой царскій министръ призналъ, что царская политика до сихъ поръ была политикой несправедливаго угнетенія рабочихъ.

Продолжайте въ томъ же духѣ, друзья! Деритесь и срамите другъ друга на пользу русской революціи!

3. ПРАВДА И ЛОЖЬ ВЪ ЗАПИСКѢ ВИТТЕ.

Когда г-нъ Витте говоритъ, что по нынѣшнимъ русскимъ законамъ рабочій преслѣдуется уголовнымъ порядкомъ за то самое, за что фабрикантъ платится только деньгами или вовсе ничѣмъ не платится, онъ говоритъ сущую правду. Въ самомъ дѣлѣ: если рабочій, заключивъ договоръ съ хозяиномъ, нарушитъ его до срока, онъ подлежитъ аресту до 1 мѣсяца (по статьѣ 54 Устава о промышленности), а хозяинъ за то же дѣло отвѣчаетъ лишь уплатой рабочему убытковъ. Если рабочіе столкуются требовать отъ хозяина прибавки платы или другихъ перемѣнъ въ условіяхъ труда (напр. удаленія съ фабрики мастера), то за такую стачку они отвѣчаютъ тюрьмой отъ 2 до 8 мѣсяцевъ; если же фабриканты цѣлаго округа уговорятся понизить рабочимъ расцѣнки или не принимать на свои фабрики такихъ-то „безпокойныхъ“ рабочихъ, то за эту стачку ихъ никто не можетъ преслѣдовать. Тысячу разъ правъ г. Витте — такое неравенство несправедливо. И эта несправедливость могла сущгствовать только въ такомъ азіатскомъ государствѣ, гдѣ граждане не имѣютъ свободы. Но если г-нъ Витте хочетъ представить дѣло такъ, что преслѣдованія, падавшія на голову стачечниковъ, зависѣли только отъ того, что царскіе чиновники должны были выполнять устарѣлый законъ, если онъ такъ изображаетъ дѣло, то онъ говоритъ ложь. Царскіе чиновники не только приводили въ исполненіе законы противъ стачекъ, они еще и нарушали эти законы, вмѣшиваясь въ тѣ стачки рабочихъ, которыя не считались по закону преступными.

Таковы, напр., стачки ремесленныхъ рабочихъ. Статьи закона, преслѣдующія стачки, говорятъ исключительно о стачкахъ на фабрикахъ и заводахъ. Фабрикой по русскимъ законамъ считается промышленное предпріятіе, употребляющее механическій двигатель или занимающее не менѣе 16 рабочихъ. Съ средины 90-хъ годовъ полиція начала преслѣдовать стачки ремесленныхъ подмастерьевъ и учениковъ. Ихъ заставляли идти на работу, арестовывали, ссылали въ административномъ порядкѣ. Циркуляръ Го-

ремыкина 1897 года приравнялъ стачки ремесленниковъ къ стачкамъ фабричныхъ, приказалъ и тѣхъ и другихъ преслѣдовать въ охранномъ порядкѣ. Сотни рабочихъ были преслѣдуемы за стачки, многіе изъ нихъ сосланы. Стачка кіевскихъ булочниковъ (весной 1900 года) прошла при систематической травлѣ со стороны жандармовъ. Неменьшимъ преслѣдованіямъ подвергались стачечники-прикащики, служащіе на конкахъ и тѣ рабочіе, о которыхъ въ законѣ о стачкахъ ничего не сказано. Точно также неправду утверждаетъ Витте, говоря, что рабочіе лишь по незнанію закона не догадывались вмѣсто открытой стачки просто заявлять объ отказѣ отъ работы въ одиночку, чтобы, такимъ образомъ, сдѣлать невозможнымъ преслѣдованіе за стачку (по 1358 ст.) и подвергнуться только преслѣдованію за нарушеніе договора (по 51 ст.). Возможно, что многіе рабочіе не знали, что они могутъ такимъ способомъ лишить полицію законнаго повода принуждать къ возобновленію работъ. Но тѣ рабочіе, которые это знали, знали также изъ опыта русскаго рабочаго движенія, что этотъ способъ не поможетъ имъ. Они знали, что, благодаря ничѣмъ не ограниченному произволу, царящему въ Россіи, ихъ все равно доймутъ, если не судебнымъ процессомъ, то жандармскимъ дознаніемъ. Они знали, что и для жандармовъ, и для полиціи, и для фабричныхъ инспекторовъ, ихъ отказъ отъ работы въ одиночку столь же преступенъ, какъ и стачка, и что какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ ихъ ждутъ одинаковыя на дѣлѣ преслѣдованія.

И самъ г-нъ Витте показалъ, что для него единичный отказъ рабочаго работать заслуживаетъ столь же энергичнаго вмѣшательства правительственной власти, какъ и прямая стачка: циркуляромъ по фабричной инспекціи онъ предписалъ, чтобы фабричная инспекція сама привлекала къ суду рабочихъ, нарушившихъ договоръ о наймѣ, хотя бы фабрикантъ не возбуждалъ объ этомъ дѣло и чтобы на судѣ фабричный инспекторъ поддерживалъ обвиненіе противъ рабочихъ. На основаніи этого циркуляра фабричный инспекторъ Виленскаго округа привлекъ къ суду, обвинялъ и добился осужденія 69 рабочихъ табачной фабрики, отказавшихся отъ работъ каждый въ одиночку (1895 г.).

И если теперь г-нъ Витте недоумѣваетъ, почему русскіе законы считаютъ преступленіемъ противъ общественнаго порядка нарушеніе договора о наймѣ со стороны рабочихъ, тогда какъ такія же нарушенія со стороны домашней прислуги, служащихъ въ банкахъ и т. п. не преслѣдуются, — то его недоумѣніе представляетъ обычное у нашихъ министровъ лицемѣріе. Какъ министръ

самодержавнаго правительства, Витте прекрасно знаетъ, что *царское самодержавіе не можетъ считать борьбу наемныхъ рабочихъ съ предпринимателями частнымъ ихъ дѣломъ, не можетъ, пока остается самодержавіемъ* Какъ всякая государственная власть, такъ и самодержавіе есть защитникъ интересовъ эксплуататоровъ противъ эксплуатируемыхъ. Но не всякая государственная власть одинаковыми способами защищаетъ интересы эксплуататоровъ. Въ свободныхъ странахъ, гдѣ всякій гражданинъ имѣетъ право учреждать союзы, созывать собранія, издавать газеты, участвовать въ выборѣ парламента, издающаго законы, тамъ правительству выгоднѣе предоставить эксплуататорамъ собственными силами вести экономическую борьбу съ рабочими, чтобы въ глазахъ народа правительство сохраняло видъ безпристрастія. Въ Россіи, гдѣ сами эксплуататоры **лишены политическихъ правъ** и не могутъ шагу ступить безъ разрѣшенія правительства, а правительство въ своихъ дѣйствіяхъ не отдаетъ никому отчета и не подлежитъ ничьему контролю,— въ Россіи правительство должно брать на себя прямое вмѣшательство во всякое столкновеніе рабочихъ съ хозяевами, дабы капиталисты не имѣли никакой охоты желать замѣны самодержавія правленіемъ выборныхъ отъ всей страны. *Чтобы примирить эксплуататоровъ съ устраненіемъ ихъ, какъ и всей страны отъ участія въ государственномъ правленіи,* самодержавіе должно слѣпо и беззастѣнчиво *защищать ихъ интересы противъ эксплуатируемыхъ всѣми законными и незаконными средствами.* Когда крестьяне сговариваются не арендовать земли у какого нибудь грабителя-помѣщика, правительство **заставляетъ** ихъ отказаться отъ своего рѣшенія, хотя никакой законъ не запрещаетъ имъ это. Когда сельскіе рабочіе не идутъ наниматься на работу по цѣнамъ, назначеннымъ помѣщиками, правительство посылаетъ солдатъ на работу, чтобы спасти помѣщичій хлѣбъ и избавить помѣщика отъ необходимости поднять цѣны. Когда рабочіе послѣ пасхи или въ осенній срокъ найма не идутъ на фабрики, чтобы выждать, пока фабриканты подымутъ расцѣнки, правительство высылаетъ рабочихъ на родину, какъ „неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій“, хотя по закону ничего преступнаго рабочіе не сдѣлали. Когда, наконецъ, крестьяне переселяются въ новыя мѣста, чтобы уйти отъ вѣчныхъ голодовокъ, тогда правительство, чтобы не оставить мѣстныхъ помѣщиковъ безъ дешевыхъ работниковъ, **запрещаетъ крестьянамъ переселяться**, а когда правительство раздаетъ „бѣднымъ“ дворянамъ по тысячѣ десятинъ земли въ Сибири, то оно заботит-

ся о томъ чтобы поселяющимся въ тѣхъ же мѣстахъ крестьянамъ земля была нарѣзана такъ, чтобы крестьянинъ не могъ обойтись безъ аренды какихъ нибудь помѣщичьихъ угодій.

Сильная и все усиливающаяся русская буржуазія (промышленная и земельная) только до тѣхъ поръ мирится съ самодержавіемъ и отказывается отъ пользованія тѣми политическими правами, которыя имѣются у буржуазіи другихъ странъ, пока самодержавіе обязуется всю свою силу отдавать въ распоряженіе буржуазіи въ ея экономической борьбѣ съ рабочими и арендаторами. И если, благодаря росту рабочаго движенія, правительство будетъ вынуждено отказаться въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ такихъ услугъ буржуазіи, то у послѣдней усилится охота попробовать самой принять участіе въ управленіи государствомъ. Такимъ образомъ, *ростъ рабочаго движенія расшатываетъ союзъ самодержавія съ капиталистами и тѣмъ облегчаетъ борьбу за политическое освобожденіе русскаго народа.*

Основная мысль записки Витте сводится къ тому, что при капиталистическомъ способѣ производства борьба рабочихъ за лучшія условія труда есть совершенно естественное явленіе, котораго нельзя уничтожить никакими преслѣдованіями, котораго нельзя предотвратить никакимъ полицейскимъ попеченіемъ. Это — совершенно вѣрная мысль. Но эта вѣрная мысль, во 1-хъ, противорѣчитъ всей прежней политикѣ русскаго правительства въ рабочемъ вопросѣ, а, во 2-хъ, противорѣчитъ самой сущности самодержавія.

Въ самомъ дѣлѣ: правительство до сихъ поръ стремилось къ тому, чтобы рабочіе ожидали улучшенія своего положенія только отъ попеченія правительства. Всякая самодѣятельность рабочихъ въ области отношеній съ капиталистами объявлялась незаконной и самодержавіе устами Витте неоднократно заявляло рабочимъ, что „всякое даже законное ихъ требованіе, но предъявленное незаконнымъ путемъ, останется неудовлетвореннымъ“. Вообще сущность самодержавія въ томъ и заключается, что оно признаетъ полицейскую опеку лучшимъ средствомъ защиты интересовъ обывателя и всякое стремленіе гражданъ защитить свои интересы собственными силами считаетъ опасностью для существующаго строя. И правительство наше право: ибо если признать, что такой интересъ, какъ улучшеніе условій труда на фабрикѣ, можетъ быть достигнутъ совокупными усиліями рабочихъ, то естественно возникаетъ и та мысль, что такіе жизненные наши интересы, какъ школьное дѣло, какъ налоги и распредѣленіе госу-

дарственныхъ доходовъ, какъ изданіе законовъ, которымъ мы вынуждены пользоваться, — что всѣ эти дѣла, такъ близко насъ касающіяся также могутъ недурно вестись нами самими. Вѣдь и въ вопросѣ о налогахъ и о тѣхъ или иныхъ законахъ также затронуты противоположные интересы разныхъ классовъ общества, какъ и въ тѣхъ вопросахъ, на почвѣ которыхъ возникаютъ стачки. И если мы допустимъ, что въ области послѣднихъ интересовъ никакое полицейское попеченіе не можетъ замѣнить **открытой организованной** борьбы самихъ заинтересованныхъ сторонъ, то отсюда не далеко уже до мысли, что такой же **узаконенной, открытой** борьбой самихъ заинтересованныхъ всего лучше могутъ рѣшаться при современныхъ условіяхъ тѣ вопросы государственной жизни, которыя захватила въ свое вѣдѣніе царская власть. А открытая, свободная, узаконенная борьба заинтересованныхъ — это сущность того государственнаго порядка, который называютъ **конституціоннымъ**, это сущность **политической свободы**.

Отказываясь отъ политики попеченія въ такой важной области, какъ профессіональная (экономическая) борьба рабочихъ съ хозяевами, самодержавіе мало того, что ослабляетъ одну изъ своихъ связей съ эксплуататорами, она въ то же время содѣйствуетъ распространенію той мысли, что общественные интересы разныхъ классовъ могутъ удовлетворяться всего лучше при полномъ отсутствіи полицейскаго попеченія.

Если стачки суть естественное явленіе, вытекающее изъ условій капиталистическаго способа производства, то столь же естественное явленіе есть стремленіе рабочихъ получить прямое вліяніе на ходъ дѣлъ въ государствѣ, пользоваться законодательствомъ для улучшеній общихъ условій труда и жизни рабочихъ, какъ рабочихъ и какъ гражданъ. И это дѣйствительно такъ: дѣйствительно, распространеніе крупной капиталистической промышленности и ростъ большихъ городовъ съ неудержимой силой ведутъ къ развитію въ народныхъ массахъ интереса къ политикѣ, къ ходу дѣлъ въ государствѣ, къ тому, чтобы получить возможность вліять на ходъ этихъ дѣлъ, такъ какъ этотъ ходъ все болѣе чувствительно отражается на повседневной ихъ жизни.

Поэтому, всякій шагъ къ разрѣшенію робочимъ заботиться объ улучшеніи своей участи путемъ стачекъ расшатываетъ современный политическій строй Россіи, расшатываетъ царское самодержавіе. Объ этомъ, навѣрное, поговорятъ въ Государственномъ Совѣтѣ гг. Побѣдоносцевы, когда дойдетъ до обсужденія проэкта

Витте. Но Витте и безъ Побѣдоносцева хорошо это знаетъ. И все таки онъ вынужденъ самъ вносить предложеніе объ ослабленіи полицейской опеки, о томъ, чтобы самый безправный классъ — пролетаріатъ — получилъ право стачекъ. Такъ подъ двойнымъ давленіемъ революціоннаго рабочаго движенія и раздраженныхъ полиціей капиталистовъ самодержавіе вынуждено собственными руками подрывать одинъ изъ устоевъ своего могущества. И то, что пролетаріату удалось вынудить правительство на такое самоубійство, составляетъ, быть можетъ, самое важное въ новой побѣдѣ русскаго пролетаріата.

4. ТАКАЯ ЛИ НУЖНА НАМЪ СВОБОДА?

Въ самомъ дѣлѣ: непосредственныхъ практическихъ результатовъ новаго закона о стачкахъ пролетаріату достанется не много. По проэкту Витте предлагается считать стачки дозволенными и наказывать только за нарушеніе общественнаго порядка, если оно будетъ совершено по случаю стачекъ. Но нарушенія общественнаго порядка, по какому бы поводу они не произошли, все равно караются общими законами. Между тѣмъ, нашъ „либеральный“ министръ вовсе не думаетъ ограничиться оставленіемъ въ силѣ тѣхъ общихъ законовъ, которые ограждаютъ общественный порядокъ. Онъ требуетъ въ замѣну нынѣшнихъ законовъ о стачкахъ установленія особыхъ наказаній за такія нарушенія порядка, которыя связаны со стачками. Это требованіе показываетъ, что, несмотря на всѣ свои заигрыванія съ рабочими, самодержавіе не хочетъ отказаться отъ исключительныхъ законовъ противъ рабочихъ. Витте въ одномъ мѣстѣ своей записки говоритъ, что продажа рабочей силы должна разсматриваться, какъ обыкновенная торговля всякимъ товаромъ. Да, это вѣрно, что при капиталистическомъ строѣ рабочая сила есть простой товаръ и мы очень благодарны Витте, что онъ такъ прямо высказалъ эту истину; чѣмъ скорѣе рабочіе поймутъ, что нынѣшній порядокъ считается съ ними только какъ съ особаго рода товаромъ, тѣмъ лучше будутъ они сознавать необходимость уничтожить тѣ условія, которыя превращаютъ живую личность въ простой товаръ; тѣмъ скорѣе они отнимутъ у капиталистовъ собственность на орудія труда и осуществятъ соціалистическій порядокъ... Но если вы признаете, что нынче рабочая сила стала простымъ товаромъ, зачѣмъ же вы создаете для покупателей этого товара — капиталистовъ — особыя льготы по сравненію съ покупателями другихъ

товаровъ. Если продавцы хлѣба сговорятся не продавать его дешевле такой то цѣны и, торгуясь съ покупателями, учинять безпорядокъ, то вы ихъ будете судить по общимъ законамъ. Почему же, если рабочіе торгуются съ хозяевами изъ-за условій труда (а это и есть стачка), то за безпорядки, происшедшіе по этому поводу, вы хотите карать особыми законами?

Соціалисты ведутъ непримиримую борьбу противъ буржуазнаго строя, который приравниваетъ рабочую силу къ простому товару вродѣ угля и ситца. При продажѣ рабочей силы продается на время сама живая личность, ибо рабочую силу нельзя оторвать отъ ея владѣльца-рабочаго. Поэтому соціалисты требуютъ, чтобы государственная власть буржуазнаго общества ограждала продавца рабочей силы, чтобы ея продажа не вела къ гибели, къ порабощенію живого чзловѣка. Самодержавное правительство хочетъ, чтобы при продажѣ рабочей силы особой охраной пользовался не ея продавецъ-рабочій, а ея покупатель-фабрикантъ. Почему? А потому, что при продажѣ-покупкѣ рабочей силы рабочій рискуетъ своей личностью, а личность человѣческая для современныхъ „господъ жизни“ и гроша ломаннаго не стоитъ; капиталистъ же рискуетъ своимъ капиталомъ (который ему создали тѣ же рабочіе), а капиталъ есть тотъ богъ, которому служатъ всѣ и всякія правительства. И всякій спеціальный законъ о стачкахъ или по поводу стачекъ означаетъ стремленіе правительства оградить особыми мѣрами священные интересы бога-капитала.

Далѣе. Проэктъ Витте предлагаетъ особыя и довольно тяжелыя наказанія для тѣхъ рабочихъ, которые будутъ побуждать товарищей бросать работу путемъ „насилій. угрозъ или обезславленія“. Опять — исключительный законъ! Развѣ въ Россіи за насилія, угрозы и обезславливаніе не полагается наказаній? Да, но эти наказанія гораздо слабѣе тѣхъ, которыя Витте придумываетъ для стачечниковъ, виновныхъ въ томъ же проступкѣ. Чѣмъ же объясняется это неравенство? Почему, если я угрожаю Ивану побить его, если онъ, скажемъ, мнѣ не отдастъ своего долга, то я менѣе виновенъ, чѣмъ если я буду грозить ему тѣмъ же за то, что онъ не присталъ къ стачкѣ товарищей? Да потому, и только потому, что закону нѣтъ никакого дѣла до обиды, нанесенной Ивану, а интересуетъ его обида, нанесенная капиталу, который пострадаетъ, если Иванъ присоединится къ стачкѣ.

Но кто будетъ опредѣлять, случилось ли насиліе, была ли угроза, произошло ли обезславленіе рабочаго? Во 1-хъ, фабрич-

ная инспекція, которая обязана возбуждать такія дѣла; во 2-хъ, особый,—безъ присяжныхъ,—чиновничій судъ. Насколько справедливы и безпристрастны инспекція и судъ, мы уже знаемъ изъ опыта всего русскаго рабочаго движенія. Можно быть увѣреннымъ, что когда, какъ это обыкновенно бываетъ, рабочіе одного цеха, бросивъ работу, будутъ разбѣгаться по мастерскимъ съ крикомъ „ребята, бросай работу!“, то это и инспекціей, и судомъ будетъ сочтено за насиліе. Если стачечники будутъ увѣщевать нерѣшительныхъ товарищей не поддаваться хозяину, то окажется, что стачечники „прибѣгали къ угрозамъ“ (лжесвидѣтели-шпіоны всегда найдутся). Если стачечникъ скажетъ: „не честно, не потоварищески измѣнять общему дѣлу“, то его привлекутъ къ суду за обезславленіе. И выйдетъ, что право устраивать стачки не спасетъ отъ возможности быть судимымъ за стачки.

Правда, вѣдь Витте думаетъ такія же наказанія за угрозы, насилія и обезславленіе налагать и на хозяевъ! Но кто повѣритъ серьезности такого намѣренія? Если фабрикантъ объявитъ, что кто завтра не пойдетъ на работу, тотъ будетъ выселенъ съ хозяйскаго квартиры, — то будетъ ли судъ считать это угрозой? Мы думаемъ, что это самая подлинная угроза, но мы хорошо знаемъ, что ни одинъ судья, ни одинъ чиновникъ не станетъ преслѣдовать фабриканта за такую угрозу, потому что, дѣлая ее, фабрикантъ пользовался своимъ правомъ домовладѣльца, а права собственности — священны! Если фабрикантъ запретитъ живущимъ въ его казармѣ рабочимъ уйти на собраніе стачечниковъ сосѣдней фабрики, то какой судья увидитъ въ этомъ насиліе А если фабрикантъ послѣ стачки разошлетъ по всѣмъ фабрикамъ списокъ рабочихъ „дурного поведенія“, — т. е. уволенныхъ за стачку — то кто привлечетъ его къ суду за такое очевидное „обезславленіе?“. Вѣдь фабричной инспекціи никакого доступа въ секретныя книги фабрикантовъ нѣтъ, да и не захочетъ она туда сунуться.

Какъ видите „свобода“ стачекъ по проэкту Витте получается такая, что свободны будутъ только фабриканты отъ непріятнаго имъ вмѣшательств Зубатовскихъ агентовъ въ ихъ переговоры съ рабочими.

А самое важно то, что при этой „свободѣ“ рабочіе все таки останутся съ связанными руками. Въ самомъ дѣлѣ: рабочіе устроили самую „законную, самую „мирную“ стачку, никого не били, никому не угрожали. Но они послали къ фабриканту уполномоченныхъ столковаться объ условіяхъ работы, а жандармы ихъ

арестуютъ и сошлютъ. Полиція, съ своей стороны, всѣхъ иногородннхъ вышлетъ этапомъ на мѣсто родины. И жандармы, и полиція будутъ такъ поступать потому, что имъ дано право заботиться и предупрежденіи могущаго возникнуть безпорядка," и „предупрежденіе" это можетъ выражаться въ арестахъ, обыскахъ, ссылкѣ.

Рабочіе устроили стачку и собрались посовѣтоваться о томъ, какъ держаться. Полиція является, разгоняетъ собраніе, причемъ дѣйствуетъ усердно кулаками и нагайками, и арестуетъ тѣхъ рабочихъ, которые говорили на собраніи. Кто можетъ помѣшать полиціи сдѣлать это? Никто, ибо ея обязанность не допускать ни собраній, ни рѣчей, которыя могутъ „привести въ нарушенію порядка," а какое собраніе, какая рѣчь для нашихъ полицейскихъ будетъ достаточно невинной, чтобы за нее не подвергать преслѣдованію?

Рабочіе нуждаются въ деньгахъ для стачекъ. Они обращаются въ легальную газету и просятъ помѣстить воззваніе о поддержкѣ стачечниковъ (вѣдь стачка дозволена законъмъ!). Редакція газеты отвѣчаетъ: съ удовольствіемъ сдѣлали бы это, господа, но намъ цензурное вѣдомство цѣлой дюжиной циркуляровъ *запретило писать что либо о стачкахъ и даже вообще о положеніи рабочихъ*. Рабочіе просятъ полиціймейстера дозволить отпечатать воззваніе отдѣльнымъ листкомъ, — онъ не даетъ имъ разрѣшенія, ибо для полиціи обращеніе рабочихъ къ товарищамъ есть ужасное „нарушеніе порядка", есть „дѣйствіе скопомъ". Тогда рабочіе сами переписываютъ свое воззваніе въ десяткахъ экземпляровъ и передаютъ его на другія фабрики. Жандармы производятъ обыски, находятъ эти рукописныя воззванія и устраиваютъ „дѣло о распространаніи недозволенныхъ изданій, призывающихъ къ борьбѣ между классами". Жандармы имѣютъ полное право сдѣлать это, ибо ст. 250 Уложенія о Наказаніяхъ преслѣдуетъ призывъ къ борьбѣ между разными классами, а поддержка стачки есть несомнѣнно участіе въ борьбѣ класса рабочихъ съ классомъ капиталистовъ.

Чтобы добыть средства для стачки, рабочіе устраиваютъ союзъ съ дозволенія начальства. Собравъ деньги, они начинаютъ стачку. Жандармское Управленіе призываетъ предсѣдателя союза и заявляетъ ему, чтобы онъ не собиралъ общества, пока стачка не кончится, и не выдавалъ союзныхъ денегъ тѣмъ, кто участвуетъ въ стачкѣ; въ противномъ случаѣ его арестуютъ и сошлютъ административнымъ порядкомъ. Подобный случай былъ съ предсѣдателемъ Харьковскаго общества взаимопомощи рабо

чихъ въ маѣ 1900 года. Предсѣдатель не послушается и общество окажетъ помощь стачечникамъ, губернаторъ его закрываетъ и конфискуетъ рабочія деньги въ казну. Помѣшать сдѣлать это рабочіе не могутъ: у нихъ нѣтъ законныхъ средствъ для этого.

Однимъ словомъ: при существующемъ всевластіи правительства и безправіи гражданъ стачечная борьба будетъ сопряжена всегда съ тѣми жертвами и затрудненіями, какія рабочими испытываются въ настоящее время.

А это значитъ, что для дѣйствительной свободы стачекъ необходимы:

1. Свобода собраній, союзовъ, слова и печати.

2. Неприкосновенность личности и отвѣтственность всѣхъ и каждаго только передъ судомъ на основаніи точныхъ законовъ.

А это означаетъ конецъ самодержавію полиціи. Но самодержавіе полиціи опирается на законы, издаваемые по волѣ мѵропомазаннаго самодержца-царя. Чтобы упразднить самодержавіе полиціи, надо замѣнить *власть царя* властью самого *народа*, который черезъ своихъ выборныхъ будетъ издавать законы и смотрѣть за ихъ выполненіемъ.

Свободу стачекъ мы получимъ только при политической свободѣ.

5. КАКІЕ НУЖНЫ НАМЪ СОЮЗЫ?

Г-нъ Витте понимаетъ, что если хотя бы на бумагѣ рабочимъ будутъ разрѣшены стачки, то необходимо разрѣшить имъ устраивать и союзы для поддержки этихъ стачекъ. Поэтому, въ свой проэктъ онъ вноситъ и предложеніе облегчить рабочимъ устройство союзовъ.

Торопиться съ этимъ дѣломъ заставилъ Витте тотъ же Зубатовъ. Въ запискѣ указано, какъ московское общество механическихъ рабочихъ, состоя подъ покровительствомъ полиціи, надоѣло фабрикантамъ. Послѣдніе вмѣстѣ съ Витте поняли, что такое превращеніе рабочаго общества въ нѣчто вродѣ отдѣленія Полицейскаго Управленія возможно лишь въ томъ случаѣ, если такое общество можетъ существовать только по исключительной милости полиціи. Поэтому, спокойнѣе для фабрикантовъ, чтобы законъ позволилъ устраивать такія общества всѣмъ рабочимъ, а не только тѣмъ, во главѣ которыхъ стоятъ Красивскіе и Жил-

кины.

То, что мы выше говорили о невозможности дѣйствительной свободы стачекъ, пока царитъ самодержавіе, примѣнимо и къ свободѣ союзовъ. Царящій въ Россіи произволъ не дастъ имъ свободно развиться. Опытъ показываетъ, что даже тѣ организаціи, которымъ правительство покровительствуетъ, хирѣютъ отъ слишкомъ заботливаго прикосновенія грязныхъ полицейскихъ лапъ. Примѣръ — потребительныя общества. Нѣсколько лѣтъ назадъ рабочіе довольно охотно бросились ихъ основывать. Попечительное правительство тотчасъ же выработало „нормальный уставъ", обязательный для этихъ обществъ. Рабочіе кое гдѣ поторговались съ начальствомъ, ходатайствуя, чтобы уставъ ихъ общества соотвѣтствовалъ ихъ собственнымъ взглядамъ, а не предписаніямъ мертваго „нормальнаго устава". Эта легальная борьба, разумѣется, кончилась неудачей (только нѣкоторые рабочіе попали на замѣчаніе къ полиціи, какъ люди „безпокойные", и впослѣдствіи были арестованы) и у рабочихъ пропала охота устраивать новыя общества для казеннаго устава, разъ нельзя самимъ вырабатывать уставъ для своихъ обществъ.

Г-нъ Витте предлагаетъ для будущихъ обществъ взаимопомощи выработать такой же мертвящій обязательный „нормальный уставъ". Ткачи и механики, наборщики и портные, столичные и провинціальные рабочіе, евреи и русскіе, поляки и армяне, работники и работницы, грамотные и неграмотные, интеллигентные и сѣрые — всѣ должны принимать для своихъ обществъ одинъ и тотъ же уставъ, „разработанный" въ канцеляріяхъ министерства финансовъ съ участіемъ свѣдущихъ людей изъ жандармскаго вѣдомства! Какое соблазнительное однообразіе! какъ оно будетъ радовать всякое истинно чиновничье сердце! Нѣтъ мѣста для фантазіи, для работы мысли рабочихъ, вступающихъ въ союзъ! Все заранѣе установлено, всякая подробность предусмотрѣна, а какая позабыта, то объ ней — послѣ тысячи указаній чле новъ союзовъ — подумаетъ какая нибудь спеціальная коммиссія въ министерствѣ, которая своевременно, — лѣтъ черезъ 10, — разрѣшитъ многотрудный вопросъ о томъ, какъ обществу поступать въ такомъ-то случаѣ.

И почему бы рабочимъ обществамъ не наслаждаться однимъ для всѣхъ „нормальнымъ уставомъ"? Вѣдь, выкрашены же всѣ россійскіе остроги и казармы, — отъ Варшавы до Владивостока, — въ одинъ и тотъ же гнусно-казенный цвѣтъ? Чѣмъ рабочія общества хуже остроговъ и казармъ?

Мы думаемъ, что Виттевскія общества и впрямь будутъ похожи на остроги и казармы. Вѣдь Витте затѣваетъ ни болѣе ни менѣе какъ сдѣлать обязательнымъ для рабочихъ вступать въ члены обществъ даннаго ремесла. До сихъ поръ самодержавіе кричало рабочему, желающему организоваться: „куда лѣзешь, мужланъ! не твоего ума дѣло!“ Теперь оно намѣрено кричать: „полѣзай въ союзъ, пока не оштрафованъ!“ Слова другія, а рычаніе все то-же, россійски-самодержавное.

Весь смыслъ, все нравственное значеніе союзовъ всякаго рода, которыми полны европейскія страны, въ **добровольномъ** соединеніи людей для достиженія общихъ цѣлей. Нынѣшній торгашескій строй, въ которомъ господствуетъ цѣлковый, стремится, съ одной стороны, разъединить людей, заставить каждаго видѣть въ ближнемъ конкуррента на кусокъ хлѣба, врага, съ которымъ надо бороться. Съ другой стороны, этотъ строй властно сгоняетъ людей въ одну мастерскую, подъ одну крышу фабричной казармы, не справляясь съ ихъ желаніями жить или работать другъ около друга. Противъ того и другого стремленія капиталистическаго порядка рабочіе выставляютъ **свободную, добровольную организацію**, создаютъ общества всякаго рода, отъ мелкихъ кружковъ саморазвитія до многотысячныхъ профессіональныхъ (экономическихъ) союзовъ и политическихъ рабочихъ партій. Здѣсь, въ этихъ организаціяхъ, они встрѣчаются уже не какъ голодные рабы, норовящіе вырвать другъ у друга кусокъ хлѣба, не какъ подневольные сотрудники въ одной и той же работѣ на хозяина; здѣсь они встрѣчаются какъ свободные и равные люди, сознательно соединившіеся для общей работы надъ улучшеніемъ своей доли. Здѣсь, въ этихъ организаціяхъ, — если онѣ проникнуты истинно-пролетарскимъ духомъ, — совершается перерожденіе человѣка, искалѣченнаго проклятымъ буржуазнымъ строемъ, здѣсь воспитывается тотъ пролетарій, который будетъ имѣть и силу, и волю, знаніе и умѣніе, нужныя ему для того, чтобы перевернуть вверхъ дномъ все общество и взять въ свои руки завѣдываніе его дѣлами...

Рабочимъ нужны только такія, свободныя общества. Новая форма фабрично-казарменной организаціи, предлагаемая Витте, не увлечетъ ихъ, не заинтересуетъ ихъ, она только лишній разъ покажетъ имъ, чего не достаетъ русскому народу....

Не трудно понять, зачѣмъ понадобилось нашимъ государственнымъ мудрецамъ сдѣлать обязательнымъ для рабочихъ участіе въ союзѣ. Извѣстно, что довольно большая часть рабочихъ состо-

итъ изъ людей забитыхъ до полной покорности, до вѣры въ святость той палки, которая бьетъ рабочаго человѣка, и въ безполезность всякой борьбы съ этой палкой. Не мало въ рабочей средѣ и людей, развращенныхъ капиталистическимъ строемъ, людей готовыхъ рабски пресмыкаться передъ хозяевами и властями, однимъ словомъ, добровольныхъ и корыстныхъ лакеевъ капитала. Эти люди чужды рабочему движенію и часто враждебны ему, но правительству и фабрикантамъ мало толку отъ нихъ: чтобы бороться съ тѣми, кто участвуетъ въ движеніи, надо жертвовать своимъ покоемъ, своимъ временемъ, своими деньгами. А трусы, глупцы, предатели не склонны жертвовать чѣмъ бы то ни было. Поэтому, при свободѣ входить или не входить въ союзы, въ нихъ участвуютъ обыкновенно только тѣ рабочіе, которые хоть сколько нибудь думаютъ объ общемъ рабочемъ дѣлѣ. Неудивительно, что полицейскіе мудрецы всѣхъ странъ стараются заставить этихъ трусовъ, глупцовъ и предателей вступать въ организаціи, чтобы составить изъ нихъ „партію“ „благонамѣренныхъ“. Нетрудно представить себѣ, что выйдетъ изъ Виттевскихъ обществъ, гдѣ честные рабочіе должны будутъ терпѣть около себя навязанное имъ сосѣдство фабричныхъ шпіоновъ, подмастерьевъ, цѣпныхъ псовъ капитала и такихъ рабочихъ, которые, не вѣдая, что творятъ, готовы каждую минуту слѣпо идти за начальствомъ.

Если экономическія организаціи надо сдѣлать обязательными, чтобы вытравить изъ нихъ ту душу живу, которая останется послѣ „нормальнаго устава“, — то организаціи для саморазвитія Витте нужно обставить еще большимъ количествомъ попечительныхъ указаній свыше. Число членовъ въ такихъ организаціяхъ должно быть не больше опредѣленной величины, для библіотекъ и читаленъ будутъ дѣйствовать обычные „каталоги для народа“, т. е. изгнана изъ нихъ будетъ вся серьезная литература; а тамъ пойдутъ разныя „попечительства“ изъ поповъ, чиновниковъ и фабрикантовъ для руководства этими организаціями и т. д. и т. д.

Нѣтъ, не такія общества нужны русскимъ рабочимъ! Если г. фабриканты додумались, — благодаря Зубатову — до того, что полиція должна перестать совать свой носъ въ стачки, то русскіе рабочіе уже давно по горло насытились полицейской опекой и требуютъ, чтобы этотъ полицейскій носъ держался отъ нихъ какъ можно дальше. Никакихъ обязательныхъ постановленій, никакихъ нормальныхъ уставовъ, никакихъ стѣсненій въ выборѣ книгъ, въ устройствѣ собраній и занятій, въ избраніи предсѣдателей, въ расширеніи числа членовъ и въ удаленіи шпіоновъ,

измѣнниковъ и хозяйскихъ лакеевъ! Прочь полицейское попеченіе! Не нужно намъ полицейскихъ руководителей, ни въ синихъ, ни въ черныхъ, ни въ другихъ какихъ мундирахъ, ни въ рясахъ, ни въ сюртукахъ!

Какъ студенты съ презрѣніемъ отнеслись къ „союзамъ“, которыми ихъ наградилъ генералъ Ванновскій, такъ и рабочіе насмѣшкой встрѣтятъ „союзы“, которыми ихъ думаетъ осчастливить Витте!

6. КАКЪ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ НОВЫМЪ ЗАКОНОМЪ?

Мы разсмотрѣли главные пункты новаго законопроекта и обнаружили истинный его характеръ — характеръ мыльнаго пузыря, который намъ хотятъ поднести подъ видомъ новаго проявленія заботливости правительства о рабочихъ. И, тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что новый законопроектъ представляетъ новую побѣду русскаго пролетаріата. Не потому побѣду, чтобы рабочимъ стало возможнымъ вести свою борьбу съ меньшими жертвами, — нѣтъ, какъ мы видѣли, жертвы будутъ продолжаться, пока не прекратится царящій у насъ произволъ. Побѣда заключается въ томъ, что, признавъ, что стачки не должны преслѣдоваться закономъ, правительство, хотя и будетъ преслѣдовать ихъ противъ закона, тѣмъ будетъ обнаруживать передъ глазами всего міра всю свою гнусность. Рабочее движеніе заставляетъ правительство срывать съ себя одинъ за другимъ фиговые листки законности, справедливости безъ пристрастія, заботы объ общей пользѣ, попеченія о трудящихся и проч.,которыми оно старательно прикрываетъ свою самодержавно-полицейскую наготу, а безъ этихъ фиговыхъ листковъ, которыми оно обманываетъ громадную массу близорукихъ, деспотическое правительство не сможетъ просуществовать и одного дня. И дѣло сознательныхъ рабочихъ идти прежнимъ путемъ революціонной борьбы, срывать новые и новые листки, приближая часъ крушенія чудовища — самодержавія.

На этомъ революціонномъ пути рабочимъ слѣдуетъ умѣло пользоваться всѣмъ, что даетъ дѣйствительность, пользоваться даже Виттевскими законами и Виттевскими союзами. Вопросъ только — какъ пользоваться, чтобы одураченными оказались не рабочіе, а сами Витте и его прихвостни?

Великая цѣль рабочаго движенія — соціальная революція. Эта цѣль можетъ быть достигнута только **политической** борьбой, борьбой за завоеваніе государственной власти. На пути къ этому

завоеванію русскій рабочій классъ долженъ получить **права гражданина**, которыхъ лишены всѣ русскіе люди; онъ долженъ получить **политическую свободу**.

Соціальная революція пролетаріата уничтожитъ тотъ порядокъ, при которомъ рабочій долженъ торговать своей рабочей силой, какъ товаромъ. Только политическая свобода позволитъ русскому рабочему при продажѣ своей рабочей силы пользоваться всѣми облегченіями, которыя даются свободной и сильной организаціей

На пути къ этимъ цѣлямъ, рабочій не можетъ отказываться отъ попытокъ уже теперь улучшить условія продажи своей рабочей силы. Еслибъ онъ отказался отъ этихъ попытокъ, то капиталъ свелъ бы его къ голодному существованію. Каковы бы ни были политическія условія, рабочій долженъ бороться противъ новыхъ ухудшеній условій труда, бороться за сокращеніе рабочаго времени, за увеличеніе заработка. Какъ мало ни даетъ ему эта борьба при нынѣшнихъ политическихъ условіяхъ, все же то, что она даетъ, будетъ облегчать ему борьбу за политическую свободу, борьбу за соціализмъ.

Въ своей профессіональной (экономической) борьбѣ рабочій долженъ воспользоваться даже той якобы свободой стачекъ, которую готово дать русское правительство, даже той якобы свободой союзовъ, которую ему обѣщаютъ. Но какую-нибудь пользу изъ этихъ подачекъ рабочіе смогутъ извлечь только въ томъ случаѣ, если наряду съ экономической, профессіональной борьбой будутъ еще энергичнѣе вести борьбу политическую.

Страхъ передъ политическимъ движеніемъ рабочихъ вынудилъ правительство отказаться отъ прежней политики въ стачкахъ; страхъ передъ дальнѣйшей политической борьбой рабочихъ заставитъ его уступать въ тѣхъ столкновеніяхъ, которыя несомнѣнно будутъ происходить, когда рабочіе захотятъ воспользоваться обѣщанной имъ свободой стачекъ и союзовъ.

Поэтому, если проэктъ Витте станетъ закономъ, мы совѣтуемъ держаться такой тактики:

1.) Энергично требовать, чтобы въ стачки полиція не мѣшалась. Разъ стачки сами по себѣ не преступленіе, полиціи нечего дѣлать на фабрикѣ. Всякое вмѣшательство полиціи должно встрѣчать отпоръ.

2.) Требовать, чтобы участники и руководители стачекъ были **неприкосновенны** отъ полицейскаго произвола. На всякій арестъ, обыскъ или высылку рабочихъ депутатовъ или такъ называемыхъ „за-

чинщиковъ“ надо отвѣчать революціоннымъ протестомъ и требованіемъ освобожденія пострадавшихъ.

3). Требовать, чтобы въ легальныхъ газетахъ могли печататься приглашенія о поддержкѣ стачечниковъ деньгами и чтобы на фабрикахъ свободно собирались пожертвованія. Если стачка не есть преступленіе, то нельзя запрещать просить объ ея поддержкѣ; если разрѣшаются воззванія о сборѣ денегъ на возстановленіе сгорѣвшаго храма, то нельзя запрещать собирать открыто деньги на поддержку голодающихъ жертвъ хозяйской алчности.

4). Требовать, чтобы дѣла о безпорядкахъ и насиліяхъ, возникшія по поводу стачки, судились общимъ судомъ присяжныхъ. Если эти дѣянія, какъ говоритъ Витте, преступны сами по себѣ, а не потому, что отъ нихъ пострадалъ интересъ капиталиста, то ихъ слѣдуетъ судить обычнымъ судомъ.

5). Всѣ эти и подобныя требованія къ правительству предъявлять черезъ рабочія общества и не позволять, чтобы власти запрещали обсуждать на собраніяхъ такіе вопросы; всѣми силами, всѣми средствами отстаивать свободу слова на этихъ собраніяхъ и энергично протестовать противъ каждаго проявленія насилія полиціи надъ обществомъ.

6). Не допускать участія въ рабочихъ обществахъ — переряженныхъ полицейскихъ шпіоновъ, хозяйскихъ приспѣшниковъ и прочей дряни.

7). Требовать для рабочихъ обществъ права вступать въ сношенія съ другими обществами такого же рода въ Россіи и заграницей.

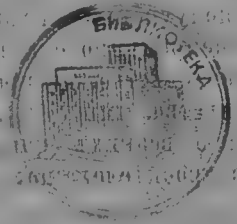
8). Отстаивать противъ казенныхъ „нормальныхъ“ уставовъ свои уставы, свободно выработанные самими рабочими.

9). Съ презрѣніемъ отвергать всякіе такъ называемые „благоразумные“ совѣты мнимыхъ либераловъ, поклонниковъ легальности и другихъ ученыхъ, полуученыхъ и вовсе невѣжественныхъ „друзей народа“, которые непремѣнно будутъ увѣщевать рабочихъ „не раздражать“ правительство, не противиться произволу полиціи, таить свое недовольство, лишь бы „дать окрѣпнуть молодому дѣлу“. Гнать въ шею всякихъ навязанныхъ начальствомъ или капиталистомъ покровителей, попечителей, опекателей и доброжелателей.

Только такая тактика дастъ возможность рабочимъ извлечь изъ новыхъ законовъ хоть какую-нибудь пользу для экономической борьбы. А чтобы вести такую тактику, надо организовывать-

ся политически, т.-е. тѣснѣе сплачиваться около Россійской Соціаль-демократической Рабочей Партіи. Пусть за каждымъ „казеннымъ“ рабочимъ обществомъ стоитъ тайный рабочій кружокъ, ведущій агитацію въ этомъ обществѣ и примыкающій къ мѣстному Комитету нашей Партіи. Пусть каждый фактъ столкновенія съ правительствомъ изъ-за стачки или союза разоблачается на столбцахъ „подпольной“ печати. Пусть каждый фактъ политической борьбы, которую ведетъ съ самодержавіемъ какой бы то ни было классъ, встрѣчаетъ смѣлую поддержку въ рабочихъ, которые все чаще и чаще будутъ напоминать всему обществу о себѣ и о своей растущей силѣ! Пусть каждый вопіющій фактъ правительственнаго произвола встрѣчаетъ громкій протестъ рабочаго люда! Пусть подъ грознымъ давленіемъ разростающагося политическаго движенія правительство вынуждено будетъ смотрѣть сквозь пальцы на то, какъ въ „дозволенныхъ“ обществахъ помощью „дозволенныхъ“ стачекъ русскіе рабочіе укрѣпляютъ свои боевыя позиціи для борьбы съ капиталомъ.

Сплачиваясь подъ революціоннымъ знаменемъ соціаль-демократіи, рабочій классъ изъ великаго орудія обмана и насилія правительства сумѣетъ сдѣлать орудіе борьбы съ современнымъ политическимъ и экономическимъ строемъ.

Л. МАРТОВЪ.

КОНЕЦЪ.